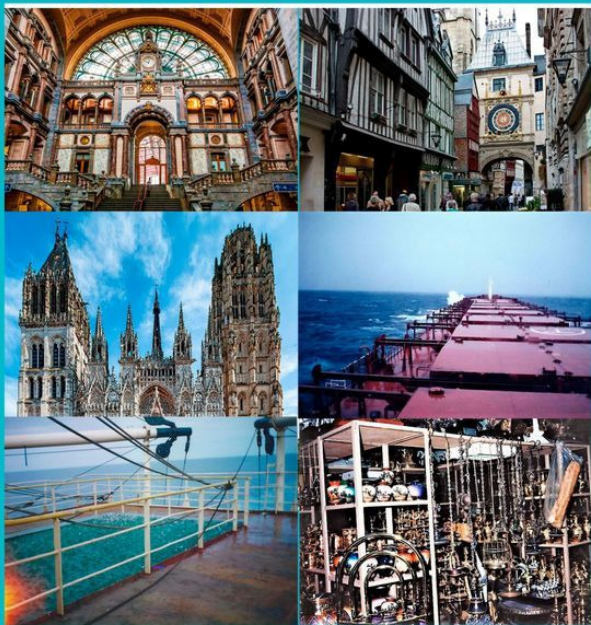


18+

Алексей Макаров

ФРЕДЕРИКЕ

МОРСКИЕ РАССКАЗЫ



Алексей Макаров

Фредерике. Морские рассказы

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65841106
ISBN 9785005502322*

Аннотация

Книгой «Фредерике» Алексей Макаров продолжил серию «Жизнь судового механика». В ней описывается обычная жизнь судового механика, обыденность и трудности этой профессии и то, с чем приходится сталкиваться механикам за время контрактов. Все события излагаются честно, открыто и без прикрас. В каждой главе книги рассказаны истории, которые заставят читателя удивиться, поразиться, а иной раз и улыбнуться от той повседневной правды, с которой моряк сталкивается в море за время своего контракта. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Введение	5
Глава первая	7
Глава вторая	31
Глава третья	50
Глава четвертая	61
Глава пятая	73
Глава шестая	88
Глава седьмая	100
Глава восьмая	121
Глава девятая	139
Конец ознакомительного фрагмента.	147

Фредерике Морские рассказы

Алексей Макаров

*«До конца дней моих я хотел бы
бродить по светлым странам моего
воображения...»*

(А. Грин)

*А теперь мне становится ясно, почему море
не отпускает свои жертвы, где бы они ни
находились.*

Корректор Сергей Барханов

Дизайн обложки Елена Миронова

© Алексей Макаров, 2024

ISBN 978-5-0055-0232-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Введение

Мальчишек влечет море. Они, начитавшись книг и насмотревшись фильмов о морских путешествиях и романтике, с восторженными глазами приходят поступать в мореходные училища.

Но со временем эта розовая пелена спадет с их взоров, и открывается обычная, скучная и нудная перспектива работы в море.

Не все могут преодолеть разочарование от столкновения с реальной действительностью. Такие списываются на берег и оттуда наблюдают за уходящими за горизонт пароходами. А те, кто остался, продолжают тянуть нелегкую лямку морской жизни, поняв, что без неё им никак не прожить.

«Фредерике» – это одна из книг серии «Жизнь судового механика».

Я думаю, что, кроме механиков и моряков, связанных с машинным отделением, она мало у кого вызовет интерес.

В ней нет приключений, нет героизма, подвигов и даже нет ни малейшего намека на морскую романтику, потому что в ней реально, без всяких прикрас описывается день за днем, месяц за месяцем жизнь моряка, который пришёл на раздолбанное старое судно.

В ней с полной открытостью рассказано, как моряки преодолевают создающиеся трудности, применяя знания и на-

выки, полученные в течение морской жизни, и чем это для них оборачивается.

В книге описывается обычная жизнь тех, кто находится в море, вся та обыденность и тягомотина, которой сопровождается весь контракт, сколько бы месяцев он ни продолжался. Но в каждой главе книги есть события, которые заставляют удивляться, поражаться, а иной раз и улыбаться той повседневной правде, с которой моряк, а особенно механик, может столкнуться за время своего контракта.

Ведь кто поможет моряку, когда он один на один со стихией, с изношенными и раздолбанными механизмами? Да никто, кроме него самого, если ему надо только одно – выжить и добраться до тех, кто ему дорог и ради кого он ушёл в рейс, подписал контракт, чтобы обеспечить своей семье достойную жизнь.

Но это никого не волнует, потому что судну надо идти вперед и любыми способами дойти до порта, дойти до конца, чего бы это ни стоило. Поэтому в книге достаточно описаний того, как «романтически» проходят ремонтные работы, моточистки, без которых не обойтись на судне и ежедневные вахты.

В этой книге я хотел поделиться с единомышленниками тем, что никакие преграды не мешают моряку вернуться в родной порт, потому что настоящий мужчина всегда добьется своего и дойдет до конечной цели.

С уважением ко всем морякам, Алексей Макаров

Глава первая

Приезд. День первый. 24 декабря

Поезд из нескольких синих вагончиков не спеша подошёл к платформе вокзала Антверпена и я вышел из вагона, в котором оставался один. Да и немудрено. Ведь время приблизилось к полуночи, а сегодня уже двадцать четвертое декабря. Вот-вот должен наступить Кристмас.

Для меня это только дата в календаре, а весь католический мир сегодня отмечал наступление нового года. Во время моих контрактов в иностранных компаниях, если на них выпадала эта дата, этот день для меня являлся только днём отдыха, во время которого можно посидеть за столом, вкусно поесть и повеселиться, а здесь, в Европе, это – праздник.

Вот и сегодня в Гамбурге, в офисе компании, где я пробыл несколько дней для ознакомления с её правилами, царило возбуждение. Никто не собирался работать, а чопорная фрау Шварц даже достала из большого шкафа собранные заранее подарки и торжественно вручила их всем сотрудникам. Мне тоже досталась красивая авторучка в футляре, завернутом в блестящую бумагу и перевязанным красивым бантиком.

На этом поздравления закончились. Сотрудники офиса окружили накрытый сладостями и вином стол, за который не пригласили меня, потому что румынский немец Дрэгомир

повез меня на вокзал, где посадил в переполненный вагон поезда и объяснил, где сделать пересадку, чтобы добраться до Антверпена.

Вагон оказался настолько забит людьми, спешащими разъехаться по домам на праздник, что сесть мне сразу не удалось и больше часа пришлось стоять в тамбуре, пока не освободилось одно из мест, на котором я и устроился.

Одну сумку я поставил у ног, а другую, с рабочими комбинезонами и башмаками, едва воткнул на полку.

Вагон, в который мне купили билет, оказался общим и напоминал наши вагоны в электричках, так что, устроившись у окна, я молча наблюдал за проносящейся за окном Германией и изредка поглядывал на входящих и выходящих пассажиров.

За окном ничего необычного. Печальный осенний пейзаж. Моросящий противный дождь, начавшийся ещё в Гамбурге. Дома как дома. Деревни как деревни. Только по сравнению с Россией они попадались более часто, да дома выглядели аккуратнее. В основном каменные и нигде не проглядывались покосившиеся заборы, неухоженные, заросшие бурьяном огороды со «скворечниками» во дворах.

Через полчаса около меня устроился молодой, одетый с иголки парень, попытавшийся завязать беседу. Мой немецкий оставлял желать лучшего, поэтому я, к его удивлению, ответил по-английски. Слегка замешкавшись, он перешел на английский и мы с ним мирно беседовали около

часа, пока он не сошел на одной из остановок.

Петер – так звали парня – подробно объяснил мне, посмотрев в мой билет, где надо сделать пересадку, чтобы добраться до Антверпена.

На указанной станции я вышел и попытался найти необходимый мне поезд. Меня удивило то, что к кому бы я ни обратился по-английски, все мне охотно отвечали и старались помочь, чтобы я не перепутал поезда. А один парень, в небрежно накинутой цветастой куртке и бейсболке, даже отвёл к переходу, ведущему к необходимой платформе, где стоял небольшой состав из нескольких синих вагончиков, который и должен доставить меня в Антверпен.

Если двадцать лет назад в ГДР, куда меня послали на приемку судна в Варнемюнде английский вообще никто не знал, там мы больше общались с немцами по-русски, то сейчас меня все прекрасно понимали и отвечали, если я кого спрашивал по-английски.

В вагоне, в отличие от предыдущего, народу оказалось мало. Я устроился на одной из свободных скамеек и принялся ждать отправления.

Через скамейку от меня сидел какой-то чернявый, неопрятно одетый, небритый мужичок в черной широкополой шляпе и с завитыми прядями волос вместо бакенбард. Я даже обрадовался, что он сел не рядом со мной, потому что мне показалось, что от него даже идет запах немытого тела.

Когда поезд тронулся, то этот странный человек достал

из сумки толстую книгу и принялся её читать, не обращая внимания на окружающих. Интересным для меня оказалось то, что страницы книги он переворачивал справа налево. Вот тут только я и догадался, что это верующий еврей, который читает свою книгу, типа нашей Библии. Я знал, что их много живет в Антверпене, но вживую настоящего верующего еврея я встретил впервые и исподтишка разглядывал его. Но вскоре мне это надоело и я больше вглядывался в темноту ночи, в которой то тут, то там возникали огни мелькающих деревень.

От однообразия я поймал себя на том, что стал дремать, периодически прислоняясь лбом к холодному окну. От таких прикосновений я просыпался, но вновь и вновь дремота овладевала мной. Один раз я очнулся оттого, что кто-то осторожно потрогал меня за плечо. Наверное, это была граница. Люди в форме проверяли билеты и паспорта. После проверки они ушли в соседний вагон и вскоре поезд поехал дальше.

Как сказал мне в Гамбурге Дрэгомир, меня на вокзале должен встречать представитель агентирующей компании, который и отвезёт меня на судно, поэтому я не переживал, что приехал в незнакомое место и не торопясь вышел из вагона.

Осмотревшись, куда же я попал и где находится выход с платформы, я остановился и в изумлении озирался, не в силах двинуться дальше.

Я находился под куполом огромной стеклянной крыши, высоко вздымавшейся над перронами. Несмотря на ночное время и ажурные тёмные окна над головой, создавалось ощущение простора, свободы и полета, а яркое освещение и боковые стеклянные стены арками, уходящими ввысь, усиливали это впечатление.

От всего этого мне даже стало как-то легче дышать из-за отсутствия ощущения замкнутого пространства, которое обычно я испытывал на всех вокзалах. Атмосфера, царившая под таким сводом, взбодрила меня и, даже несмотря на то, что я сильно устал и в поезде постоянно «клевал носом», легко подхватил сумки и вслед за несколькими пассажирами бодро пошёл к входу в вокзал. Стена его с высокими окнами в резных рамах, облицованных светло-серой резной мраморной плиткой, виднелась слева.

На втором этаже этой стены верхняя часть окон заканчивалась арками, поблескивая многочисленными витражами, уходящими ввысь, к полукруглой крыше.

Пройдя через высокую и широкую дверь, я оказался в зале вокзала. Вот тут меня уже по-настоящему поразило ощущение, что я оказался или в старинном храме, или в сказочном дворце. Передо мной раскинулся огромный зал, окруженный стенами из светло-серого мрамора, с огромными окнами, уходящими куда-то ввысь к стеклянному куполу, накрывающим его.

По лестнице из темно-серого мрамора я спустился в зал,

с полом, покрытым серыми мраморными плитами различных оттенков и встроенными в них темными квадратами прямоугольников. Колонны, балюстрады, арки и полуарки, скульптуры, золотая отделка часов над дверями, окна полу розочки – все это гармонично сочеталось между собой, дополняя друг друга.

От всего увиденного меня обуял восторг и я молча стоял, озираясь по сторонам, разглядывая окружающую меня красоту, вызывавшую чувство легкости и воздушности, прогоняя усталость, накопившуюся за целый день.

Ведь сегодня я проснулся в гостинице для моряков в семь утра, позавтракал в ней и к девяти часам подошёл с вещами к офису компании, расположенному в двадцати минутах ходьбы от гостиницы. В десять часов Дрэгомир посадил меня на поезд, а сейчас на часах, установленных на входной стене в зале вокзала с изящными балкончиками, под которыми красовался золотой герб Антверпена, было почти одиннадцать вечера.

Медленно, чтобы не поскользнуться на мраморном полу, я двинулся к выходу. По залу беззвучно ездили уборочные машины, оставляя за собой влажные следы и везде стояли предупреждающие таблички «Осторожно, влажный скользкий пол».

Подойдя к выходной двери, я увидел мужчину в кепке

и аккуратной черной куртке. В руке он держал табличку с названием моего судна. Поняв, что это мой встречающий агент, я смело направился к нему.

– Добрый вечер, сэр, – поздоровался я с ним.

– Добрый вечер, – ответил он мне по-английски. – Это ты едешь на «Фредерике Зельмер»? – Он указал на надпись на табличке.

– Точно, я. – Я изобразил на лице улыбку.

– Ну, тогда поехали. Чего ждать? Может быть, сегодня я ещё успею к семейному столу.

Агент развернулся и, махнув рукой, чтобы я следовал за ним, пошёл к выходу, а я направился за ним с сумками в руках.

Сумка с робой, которую вручили мне в офисе, оказалась непомерно тяжела и одна из ручек на ней почти оторвалась, так что тащить её мне было неудобно, но агент, не обращая внимания на это, быстро шёл к выходу.

«Не его это дело – таскаться с чужими сумками, – подумалось мне. – Ему за это не платят».

Меня удивляло, что же Дрэгомир положил в сумку, что она оказалась такой тяжелой и неудобной. Пара комбинезонов и специальные рабочие ботинки, которые мне положены по контракту, не могли столько весить, а времени и места, чтобы рассмотреть содержимое сумки у меня не было и создавалось впечатление, что там лежали гири или в лучшем случае кирпичи. Поэтому, обхватив покрепче эту чер-

тову сумку одной рукой, я вышел следом за агентом на площадь.

После тепла вокзала прохлада заставила меня даже передернуть плечами от свежести и промозглости, но температура воздуха была положительной, что я определил по лужам, оставшимся после недавно прекратившегося дождя. На них отсутствовали даже льдинки, и мне приходилось осторожно обходить их, чтобы не промочить туфли.

На площади, несмотря на приближение полуночи, оказалось светло, как днём, а вокзал подсвечивался фонарями и различными прожекторами так, что сиял всей своей красотой. Искусно выбранное освещение подчеркивало изящность колонн, эркеров и башенок на крыше, отражаясь от ажурных окон, выходящих на площадь. Обернувшись, я даже залюбовался этим видом. Жаль, что фотоаппарат остался в сумке, а то бы я обязательно запечатлел такой прекрасный вид. Но, увидев уходящего агента, который, наверное, хотел поскорее избавиться от меня, я заторопился за ним.

Машина его – а это оказался черный «шестисотый» «Мерседес», на которых у нас разъезжали только бандиты или состоятельные граждане, подчеркивающие свой статус, – находилась рядом, так что с сумками мне мучиться долго не пришлось и я с удовольствием свалил их в любезно открытый багажник.

Внутри салона чувствовалось тепло – по всей видимости,

агент только недавно подъехал и оставил машину на стоянке.

Устроившись за рулем, он посмотрел на меня.

– Ну, как ты? Нормально? – В его голосе чувствовалось некоторое беспокойство.

– Да, всё хорошо. Только устал немного сегодня, – пожал я плечами.

– Ничего, – успокоил он меня. – Сейчас съездим в портовую администрацию, отметим твой паспорт, и я отвезу тебя на судно. Оно там недалеко стоит. Может быть, сегодня успеешь ещё поднять бокал за Кристмас. – И, доброжелательно улыбнувшись, осторожно выехал со стоянки.

Я молча разглядывал ночной Антверпен, по пустынным улочкам которого быстро ехал агент.

Если сразу за вокзалом машина осторожно двигалась по брусчатым мостовым с трамвайными путями по середине, то потом, выехав на широкую улицу, обсаженную по обе стороны высокими старыми деревьями, поехала намного быстрее.

Город казался пустым. Если недалеко от вокзала на тротуарах ещё встречались одинокие пешеходы, то здесь никого не было. И, попав в зеленую волну светофоров, минут через пятнадцать, агент остановился у невысокого здания, сбоку которого виднелась небольшая пристройки из старинного кирпича.

– Всё! – возвестил агент. – Мы на месте. Паспорт у тебя с собой или в багаже? – и первый раз после вокзала посмот-

рел мне в глаза.

– Конечно. – Я похлопал себя по груди, где во внутренних карманах лежали документы.

– Давай его сюда, – потребовал агент и, забрав паспорт, вышел из машины. – Чего сидишь? – недовольно буркнул он. – Выходи. Вместе пойдем к офицеру.

Подойдя к массивной, побитой временем двери, агент нажал на кнопку звонка.

Дверь долго не открывалась. Только после вторичного нажатия на звонок она отворилась, и в щель выглянуло заспанное лицо человека в форме. Агент обратился к нему по-фламандски и тот, открыв шире дверь, пропустил нас вовнутрь.

В коридорах царил полумрак и мы последовали за офицером, который тут же, на первом этаже, завёл нас в ярко освещенную комнату и, прищурившись от яркого света, протянул руку агенту:

– Паспорт, пожалуйста.

Агент молча протянул ему мой паспорт с листом печатной бумаги, и офицер принялся копаться в каких-то бумагах, сложенных на столе. Найдя необходимый документ, он просмотрел его, сделав в нём отметку, и небрежно шлепнул в паспорт и на бумагу печать.

Приняв у офицера документы, агент поблагодарил его, и мы, выйдя на улицу, вновь сели в машину, где агент вернул мне паспорт с листом бумаги.

– Это судовая роль, – объяснил он, увидев мой недоумен-

ный взгляд. – Отдашь капитану. – И, чуть ли не рванул с места, взвизгнувший колесами «Мерседес».

Сделав несколько разворотов, машина поехала дальше. Тут уже было видно, что мы в порту. Слева то тут, то там между пакгаузов начали появляться корпуса судов, мимо которых он проносился.

Проехав вдоль длинного и высокого забора, «Мерседес» выскочил на причал, лихо развернулся и подъехал к борту судна, с которого почти вертикально вниз опускался трап, зависший над причалом на высоте чуть больше двух метров.

– Ну вот мы и на месте, – радостно возвестил агент, нервно поглядывая на часы. – Вот твоё судно.

Он торопливо выскочил из машины и, открыв багажник, вытащил из него мои сумки. Поставив их на причал, он торопливо пожал мне руку со словами:

– Удачного Рождества, и не забудь отдать капитану судовую роль, – и сел за руль.

У бедного «Мерседеса» взревел мотор, бешено завизжали колеса, пробуксовывающие на асфальте и агент умчался куда-то в ночь, оставив после себя клуб сизого дыма и запах жжёной резины.

Оставшись на безлюдном причале, я в недоумении озираясь. Надо мной высился ржаво-коричневый борт судна, стоящего к причалу правым бортом.

Где-то высоко-высоко над головой виднелись огни надстройки, а впереди, насколько хватало взгляда, простиралась

ободренный, в ржавых подтеках и проплешинах борт судна. Посмотрев в сторону кормы, я с удивлением увидел, что она огорожена желтыми бонами, плавающими на воде, выставляемые портовыми властями, если с борта судна идёт какое-либо загрязнение акватории нефтепродуктами.

Из предварительного ознакомления с судном в офисе компании я знал, что это балкер на сорок тысяч тонн и длиной в двести тридцать метров, построенный в Румынии.

В офисе я подробно ознакомился с чертежами, написанными на румынском языке. Поэтому, чтобы разобраться с ними и объяснить все нюансы судна, мне выделили в помощь румына, живущего в Германии, – Дрэгомира, который и сам во всем путался, впервые видя эту документацию. Он путался не только в чертежах, но и в судовых инструкциях, изложенных в компьютере, да и в самом компьютере тоже.

Иной раз я с иронией смотрел на него, представляя, как этот некомпетентный человек будет меня поправлять и учить работать из офиса. Радовало только то, что Дрэгомир переводил мне всю документацию, которую я разбирал почти неделю, да водил на обеды, оплачивая их. Поэтому я воспринимал всё спокойно, надеясь, что в дальнейшем не встречу с ним, а только буду переписываться.



Вид одиноко стоящей ржавой и ободранной громадины, да ещё и огороженной бонами, производил тягостное впечатление, вызвав у меня только одну пессимистическую мысль: «Вот это я попал...»

Но, отбросив первое удручающее впечатление от судна, я, задрав голову, громко свистнул. На судне от моего свиста никакого движения не произошло. А вот когда я засвистел ещё громче и продолжительнее, то через борт свесилась чья-то голова в каске.

– Опускай трап! – прокричал я этой голове.

Но голова отреагировала на мои крики только встречным вопросом:

– А кто вы будете, сэр? – громко, с филиппинским акцентом прокричала голова.

– Я ваш новый старший механик! – раздраженно крикнул я в ответ и уже требовательно добавил: – Быстро опускай!

– Есть, сэр! – тут же отреагировала голова и трап поехал вниз.

При приближении площадки трапа к причалу я ухватился за сетку безопасности и потянул её на себя, чтобы уложить нижнюю площадку трапа на причал, не допуская, чтобы он висел над водой в пространстве между бортом и пирсом.

Установив площадку трапа на причал, я дал отмашку мат-

росу, чтобы он прекратил майнать трос, и, подхватив сумки, начал чуть ли не на четвереньках карабкаться вверх.

«Да, нелегкая это работа – тащить из болота бегемота», – подумалось мне, когда я поднялся, отдуваясь, на главную палубу, невольно вспомнив стишок, который читал детям, когда они были маленькими.

Поставив сумки на палубу и распрямившись, я посмотрел на спокойно глядевшего на меня филиппинца, который вежливо поздоровался:

– Добрый вечер, сэр.

– Добрый вечер, – ответил я и недовольно добавил: – Чего стоишь? Помощника зови.

Обычно мне, если я впервые поднимался на борт судна, филиппинские матросы помогали поднять багаж по трапу на палубу, а этот застыл истуканом и только лупал глазами.

– Извините, сэр, – отреагировал на мой приказ матрос и, схватив трубку телефона, принялся вызывать вахтенного помощника.

Пока помощника не пришёл, я огляделся.

Краска на палубе в проплешинах ржавчины, которая в некоторых местах проглядывала везде и даже сквозь белую, да уже и не белую, краску переборок надстройки.

На палубе сильно воняло топливом. Пройдясь к носовой оконечности надстройки, я, к своему ужасу, увидел загородку из досок сантиметров в пятнадцать высотой, огораживающие пространство на палубе между надстройкой и коминг-

сом трюма, заполненное чуть ли не до краев застывшим топливом. Доски были установлены для предотвращения дальнейшего растекания топлива по палубе. Да оно уже и не растекалось, ведь температура воздуха чуть выше ноля градусов, поэтому топливо застыло и только зловеще отблескивало от палубного освещения.

Мне стало ясно, что при последней бункеровке произошёл выброс топлива на палубу. Кто-то уже начал убирать его, потому что рядом с трюмом стояло с десятков канистр с «Юниторовской» химией. Часть палубы уже очистили и рядом с канистрами валялось несколько мешков с чистой ветошью и опилками, а вся грязь после протирки оказалась собранной в бочки.

Минут через пять к трапу вышел старпом, о чём я догадался по надписи на его «аляске», вышитой большими буквами справа над накладным карманом, а слева, над таким же карманом, красовался цветной логотип компании.

Высокий стройный блондин протянул мне руку и представился:

– Олег, старпом. – Он доброжелательно посмотрел мне в глаза.

– Борис. – Я в ответ пожал его ладонь, почувствовав её твердость.

Чувствовалось, что передо мной не белоручка, который только и может, что перебирать бумажки и точить карандаши, а нормальный, работающий мужик.

– Агент сказал ещё утром, что привезет тебя ближе к полуночи, – проговорил он, отпуская мою руку. – Где он, кстати? – Олег подошёл к борту и посмотрел вниз. – Что, свалил уже, что ли?

– Конечно, – усмехнулся я. – Так дал газу, что весь причал в дыму остался. Я так понял, что к семье на Кристмас торопился, – пояснив отсутствие агента.

– Помню, помню, – отреагировал на мои слова Олег, – он ещё утром мне все жаловался, что из-за тебя у него весь Кристмас может сорваться. – И, переведя взгляд на молчащего, вытянувшегося в струнку матроса, приказал ему: – Трап подними. Забыл, что ли?

– Есть, сэр! – тут же отреагировал матрос, кинувшись исполнять приказание.

– Бляха-муха! – раздраженно вырвалось у Олега. – Не напомнимшь, так ничего и не сделают. – И, вновь посмотрев на меня, поинтересовался: – Как доехал-то?

– Да нормально, – пожал я плечами, – устал только от сидения в поезде. От Владика до Москвы долетел за восемь часов, а тут по этой Германии чуть ли не полдня тилипался.

– Ничего, – подбодрил меня Олег, – сейчас отдохнешь. Пошли, – он махнул мне рукой, – я тебя пока в лазарете поселю. – И, открыв броняшку, ведущую в надстройку, перешагнул высокий комингс, а я, подхватив сумки, двинулся за ним.

В надстройке откуда-то неслись громкие звуки музы-

ки и кто-то бешеным голосом, постоянно фальшивя, орал в микрофон.

– Филиппинцы Кристмас празднуют, – пояснил эти вопли Олег и, подойдя к лифту, вызвал его.

Лифт медленно поднялся двумя палубами выше. Старпом подошёл к двери лазарета, обозначенной специальным знаком и, порывшись в кармане «аляски», достал ключ, которым открыл дверь.

– Проходи, устраивайся, – пригласил он меня, зажигая свет в лазарете. – Спать будешь здесь. – Он указал на гравитационную койку. – Я сказал мессбою, чтобы он застелил тебе свежие простыни.

Подойдя к кровати, он толкнул её рукой. Кровать не шелохнулась.

– Молодец, – похвалил он кого-то, – заклинил стопора.

Войдя в большое и светлое помещение лазарета, я осмотрелся. Везде идеальная чистота и порядок.

Увидев мой взгляд, Олег усмехнулся:

– Два дня отмывали перед приходом тут весь срач после греков. Хотя здесь замечаний от порт-контроля не было. Зато по другим частям во-от такой список нарисовали. – Показывая размер этого списка, он широко развёл руки.

Поставив сумки у кровати, я по-прежнему озираясь, не зная, что мне делать дальше.

– Наверное, проголодался? – предположил старпом, вопросительно посмотрев на меня.

– Да, есть немного, – утвердительно кивнул я. – Подкрепиться бы не мешало. Завтракал только в бичхолле, а так не до этого было. Хорошо, что хоть попить с собой взял, а то бы засох от жажды, – невесело пошутив при этом.

– Не переживай, – улыбнулся Олег. – Это дело поправимое. Пошли в столовую. Сегодня поварило наготовил всего до отвала. Кстати, он неплохо готовит. – добавил он.

Олег закрыл дверь лазарета и вручил мне ключ.

– Держи. – А потом продолжил: – Пошли, сейчас сам попробуешь и оценишь.

Спустившись на лифте на главную палубу, мы прошли в корму надстройки по небольшому коридору.

Как только Олег открыл дверь столовой команды, меня оглушил звук песни, слова которой пьяным голосом надрывно орал толстый филиппинец, отчего даже пришлось приоткрыть рот, чтобы он меня не оглушил. Музыка была по ушам не хуже кувалды, которой отдают гайки на крышках цилиндров у главного двигателя.

Старпом подошёл к орущему филиппинцу и что-то прокричал тому на ухо. Филиппинец неуверенно, слегка покачиваясь, встал со стула, поставленного перед большим телевизором и уменьшил громкость на надрывающемся музыкальном центре.

– Задолбали эти певцы-музыканты, – сокрушенно прокомментировал старпом свои действия, подойдя ко мне. – Как только какое-нибудь пати или барбекю, орут как скажен-

ные. Нам моря не надо – музыку давай, – сделав ударение на букву «ы», пошутил он. – А ты бери тарелку и накладывай себе всё что хочешь. – Олег указал на многочисленные блюда и кастрюли, выставленные на одном из столов.

Выбрав тарелку побольше, я прошёл к столу с различной снедью и, приоткрывая одну кастрюлю за другой, наложил себе всего, что понравилось.

Старпом уже сидел за столом. Перед собой он выставил несколько банок пива.

– Давай, что ли, за Кристмас? – Олег полувопросительно посмотрел на меня, беря одну из банок. – А то, я погляжу, – старпом посмотрел на наручные часы, – он уже наступил.

– А что, – усмехнулся я, – если праздник и обстановка позволяют, то давай, – и, взяв предложенную банку, осторожно перелил её содержимое в стакан.

Чокнувшись и отпив пару глотков, я принялся за еду. Она и в самом деле оказалась отменно приготовленной.

Салат «Оливье», ребрышки, жаренные в красном сладком соусе, салаты из свежих овощей и морепродуктов, жареная картошка, которую, наверное, готовил кто-то из русских, и, конечно же, рис с различными соусами.

Закусив, Олег откинулся в кресле.

– Так ты из Владика, говоришь? – Он с интересом разглядывал меня.

– Угу, – промычал я с набитым ртом.

– Далеко же тебя занесло, – усмехнулся он, покачав голо-

вой. – А я из Одессы.

Тут уже я с интересом посмотрел на Олега. В нашем понимании, как нам представляли одесситов, они все пришепечивали и говорок у них был, как у Бернеса во многих фильмах. У Олега ничего подобного в произношении не слышалось. Речь была правильной и слова по-русски он выговаривал без малейшего акцента.

Увидев мой удивленный взгляд, он подтвердил свои слова:

– Да-да, именно из неё, Одессы-мамы.

Но вот тут уже слово «Одесса» он выговорил как настоящий одессит. У него получилось «Адеса», чем он окончательно развеял мои сомнения о его принадлежности к такому знаменитому и неповторимому городу.

– У нас тут весь экипаж смешанный, – продолжил Олег. – Капитан тоже был из Одессы.

– Почему «был»? – перебил я его.

– А потому и был, что вышел лоцмана встречать балдым, так тот его моментом заложил в порт-контроль. Вечером встали к причалу, а утром его уже увезли в аэропорт. Поэтому капитана на борту нет и мне приходится расхлебывать всё, что здесь сейчас происходит.

– А что происходит? – Я все ещё не мог понять обстановки, в которую попал.

– А то и происходит, что по палубе и машине у нас шестьдесят замечаний от порт-контроля. Короче, надо их устра-

нить до третьего января. А тут ещё фиттер распорол и сломал себе руку, так его из госпиталя тоже домой отправили. Сейчас ждём нового. Кто что делать будет? Не знаю. Дед вон тоже балдой валяется. Тому всё по барабану – домой он, видите ли, уезжает, – передразнил он кого-то. – Вот и пролили топливо при бункеровке.

– А чего пролили-то? – не понял я последнее возмущение Олега.

– А то и пролили, – начал с жаром объяснять мне Олег. – Четвертый механик пытался поднять его, а он – никакой, вот и начал сам принимать топливо.

– Подожди, – перебил я Олега. – Почему четвертый? Третий же должен принимать топливо.

– А здесь по правилам компании – четвертый занимается всем топливом, – уже спокойно пояснил мне Олег. – Кормовые танки он заполнил и переключился на носовые, а они в носу, в сотне с лишним метров, – махнул он рукой в сторону бака, – а трубы проходят по туннелю, и обогрева они не имеют...

– Как не имеют? – вновь перебил я.

– А вот так, – развел руками Олег. – Сгнил весь этот обогрев и старая мазута в нём застыла, а новое топливо в нос не пошло. Сам знаешь, какой мазут принимаем. Он вон на палубе колом стоит и его при такой температуре можно только лопатами грузить. – Тут он криво усмехнулся и продолжил: – Кормовые танки заполнились, в нос топ-

ливо не пошло и плюхнуло на палубу. Хорошо, что обеспечивающие матросы проявили бдительность. Сразу остановили бункеровку, но всё равно литров пятьсот на палубу вылилось. Хорошо, что не за борт – шпигаты были забиты чопами, а то бы был полный трюндец. А сейчас его надо убрать к третьему числу, – уже безнадежно закончил он.

– Да-а... – протянул я. – Ситуация... А что вообще с парходом-то случилось? Я смотрю, он весь ржавый да засранный.

– А потому что его только недавно купил у греков какой-то немецкий банк. И хоть ему всего восемь лет, – он имел в виду судно, – но оно убитое донельзя. Оно пару лет стояло на рейде в Турции, арестованное за долги. Немцы его выкупили и передали в управление нашей компании. Мы приехали на него около трех месяцев назад, приняли его у охранного экипажа, а потом ждали, когда оформят все документы и только что перегнали его из Турции сюда. То есть сделали только один рейс. А теперь вот стоим тут опять арестованными. – И он с печальной улыбкой развёл руками.

– Да-а... – вновь протянул я, стараясь усвоить полученную от Олега информацию. – А дед где сейчас? – стараясь перекрычать музыку, «люющуюся» из динамиков музыкального центра, продолжал я выпрашивать у него.

– А где ему быть? – невесело усмехнулся он. – В каюте валяется. Он тут чуть ли не пузырь «Джонни Уокера» сожрал да пивком заполировал. Завтра вечером у него самолёт. Так

что с утра отлавливай его и вытряхивай из него всё, что тебе надо. Но смотри, больше ему не наливай и не пей с ним. — Это он уже напомнил мне серьезным тоном.

— Понятно... — Я с ожесточением поскреб у себя в затылке.

— Вот второй механик, который тоже из Владика, только сейчас и рулит в машине. Так он и сам пашет допоздна и народ заставляет там работать.

— Да, знаю я его, — подтвердил я слова Олега. — Мы с ним перед самым его отлётом в Германию разговаривали. — Мне стало даже приятно, что мои разговоры со вторым механиком не оказались пустым звуком.

Доев содержимое тарелок, я допил пиво и, поднявшись, посмотрел на старпома:

— Пойду-ка я спать, а то сегодня чего-то замотался.

— Конечно, — кивнул мне в ответ Олег. — Тебе надо выспаться. Завтра для тебя серьезный день, а я еще пивка драболозну, — он показал на недопитый стакан, — и тоже завалюсь.

Придя в лазарет, я раскрыл «подарки» от немцев. Комбинезоны оказались на два размера больше. Но я знал, что в этом ничего страшного нет. После пары стирок они будут как раз, а после десяти — малы.

Вместе с тем и приятно удивился: в сумке находился сверток, развернув который я обнаружил точно такую же зимнюю «аляску», как и у старпома, только с вышитой моей должностью и фамилией. Она оказалась точно моего размера, а ес-

ли её носить со свитером, то могла быть теплой при любом европейском морозе.

Ботинки оказались здоровущими гадами со стальной пластиной в носке, толстенной подошвой и высокой шнуровкой. Теперь я понял, почему сумка с рабочей одеждой оттягивала мне руки. Это из-за ботинок, каждый из которых весил не менее полутора килограммов. Скорее всего, они так и останутся стоять где-нибудь в укромном уголке каюты, напоминая, как компания заботится о своих работниках. Для себя же я прихватил из дома легкие полуботинки, но без стального носка. Поэтому, приподняв тяжеленные гады за прочную шнуровку, я вернул их в сумку.

Сил не осталось даже на то, чтобы сходить в душ, поэтому выключив свет, я забрался в койку и моментально провалился в сон. Ведь дома было уже почти одиннадцать часов утра.

Глава вторая

День второй. 25 декабря

Утром у меня под ухом громко зазвонил телефон. Я в ужасе подскочил на койке и, схватившись за трубку, хриплым после сна голосом судорожно выдохнул в неё:

– Алё.

– Сэр! Вас ждут великие дела! – раздался из трубки бодрый голос старпома. – Подъём на завтрак!

– Понял, – уже бодрее ответив, я собрался повесить трубку, но из неё донеслось:

– Кают-компания на второй палубе, – напомнил старпом и, усмехнувшись, добавил: – Смотри не заблудись.

– Не переживай. – От шуток старпома я полностью отошёл от сна и смог уже пошутить. – По запаху найду.

– Давай, давай, – ответил на мою шутку старпом, – я тебя подожду.

Повесив трубку, я посмотрел на часы. Начало восьмого.

Отвык я за последние пять месяцев от таких подъёмов и трезвона телефона в любое время суток. Но ничего, надо вставать. Сегодня действительно предстоит многое сделать.

Соскочив с койки и, достав из сумки, как говорит моя жена, рыльно-мыльные принадлежности, пошёл в душ.

Он сверкал чистотой. Матросы и в самом деле здесь сде-

лали приборку на совесть. Приняв прохладный душ и освежившись, я оделся и, спустившись на палубу ниже, прошёл в кают-компанию, где в гордом одиночестве сидел Олег. Увидев меня, он приветливо улыбнулся.

– Доброе утро! Садись сюда. – Он указал на один из столиков. – Здесь твоё место, а там штурманский и механический столы, – показал он рукой в другой угол кают-компании. – Только четвертый с электроном здесь не едят. Они в столовой обосновались. То ли стесняются, то ли пища им там больше подходит. Не знаю. А здесь ты, я да мастер сидим, – разъяснил старпом мне ситуацию в кают-компании.

– Доброе утро, Олег. – Я подошёл к нему и, пожав руку, поблагодарил: – Спасибо, буду знать, – на что тот доброжелательно улыбнулся:

– Всегда рады помочь, – и тут же громко крикнул: – Руперт!

От такого неожиданного окрика я даже вздрогнул, а из буфета выглянуло лицо тощего, маленького филиппинца, преданно уставившегося на старпома:

– Да, сэр.

– Завтрак новому старшему механику неси, – скомандовал он мессбою.

– Есть, сэр, – торопливо проговорил тот и исчез.

Не успел я устроиться за столом, как Руперт уже ставил передо мной тарелку с глазуньей и, слегка поклонившись, пробормотал:

– Приятного аппетита, сэр, – но тут же поинтересовался: – Сэр ещё чего-нибудь желает?

Я осмотрел стол. У тарелки лежали вилка с ножом, а перед ней красовалась белая объемная кружка. Посередине стола расположился большой чайник с кипятком, возле которого стояли банка с растворимым кофе и молочник, а рядом на блюдечке лежало несколько пакетиков с чаем различных сортов. Белый хлеб, масло, пара сортов сыра и пара сортов тонко нарезанной колбасы. Всё вроде бы на месте, и я, посмотрев на готового сорваться с места мессбоя, чтобы выполнить любое моё желание, успокоил его:

– Всё нормально. Ничего больше не надо, – на что тот, ещё раз поклонившись, вежливо пожелал:

– Приятного аппетита, сэр, – и исчез в буфете.

Старпом с кружкой ароматного кофе сидел напротив меня.

– Как ночевалось? – поинтересовался он. – Филины музонам не задрали?

– Ты знаешь, – поделился я с ним, намазывая хлеб сливочным маслом, – я, честно говоря, и не слышал их. Хотя и разница во времени девять часов, но как в яму провалился. Даже снов не видел.

И, налив себе кипятка в кружку и положив в неё пакетик с черным чаем, принялся осторожно прихлебывать его.

– Отлично. – Старпома удовлетворил мой ответ.

Поговорив о различных мелочах, старпом встал из-за сто-

ла и пояснил:

– Пойду своих филипков долбать, чтобы топливо убирали, – и посоветовал: – А ты долго не рассиживайся иди к деду, а то, я смотрю, его и на завтраке не было. Похмеляется, наверное, – усмехнулся он, но тут же добавил: – Но ты ему пить не давай, а то никакой передачи у вас не получится, – и, махнув на прощанье рукой, вышел.

Закончив завтрак, я пошёл к «деду». Каюта его находилась на две палубы выше кают-компаний, так что пришлось вновь вызывать лифт, чтобы попусту не тратить силы. Я чувствовал, что они сегодня мне ох как пригодятся.

Каюта оказалась закрытой, но после моего требовательно-го стука, ключ в двери повернулся и мне открыли дверь.

«Дедом» оказался прилизанный лысоватый пузан чуть ниже меня ростом с опухшей с бодуна физиономией, застиранном выцветшем комбезе, и из-под коротких брючин которого смешно выглядывали голые лодыжки и стоптанные тропические туфли. Выглядел он ненамного старше меня, а может быть, такого же возраста, как и я, но по опухшему красному лицу сейчас это определить было сложно.

В руке он держал банку с пивом и не совсем понимающим взглядом уставился на меня.

– Чё надо? – еле ворочая языком, прохрипел он.

– Замена тебе пришла! – я, как можно бодрее, попытался обрадовать его.

Переваривая полученную информацию, «дед» какое-то

время смотрел на меня, но, чего-то сообразив, сделал неверный шаг в сторону, освобождая проём двери, и широко махнул рукой:

– Заходи, при этом кивком головы указав, куда мне следует пройти.

Подождав, пока я переступлю порог, он с треском захлопнул дверь.

От такого сотрясения переборок я невольно вздрогнул и обернулся на «деда», неверной походкой подошедшего ко мне.

– Василич, – протягивая руку и растягивая буквы, еле выговорил он, энергично помогая себе произнести эту трудную фразу поворотом головы слева направо, от плеча к плечу.

– Михалыч, – подыграл я ему, но мой сарказм «дед», конечно, не понял.

Пройдя несколько шагов к банкетному столику, стоящему у дивана левого борта, он вновь воззрился на меня, что-то соображая.

– Пиво будешь? – наконец-то разразился он сакраментальной фразой, по всей видимости стоившей ему значительного труда, указывая на столик широким барским жестом.

На столике стояли тарелки со вчерашней закуской, недопитая бутылка «Джонни Уокера» и несколько банок пива.

– Не, не буду, – отказался я, – дел сегодня не впрокорот. Дела у тебя принимать буду.

– Ну, как знаешь, – вальяжноотреагировал на мои слова «дед», не обратив внимания на мою последнюю фразу, и отхлебнул из банки, которую по-прежнему держал в руке.

Видать, «дед» уже хорошо опохмелился. Язык у него уже прилично заплетался и к каким-либо действиям, например передаче дел и работе с документацией, он был явно неспособен.

– Я смотрю, ты сейчас не в состоянии заняться делами? – вопросительно глянул я на «деда».

– Эт ты точно подметил, – честно согласился «дед». – Вчера так наотмечались, что сегодня надо отдохнуть. Кристмас же... – попытался он объяснить своё состояние.

– Понимаю, что Кристмас, – я недовольно смотрел на полупьяное создание. – Но дела делать-то надо?

– Ты меня, конечно, прости... как тебя там? – забыв моё имя, тупо глядя мне в глаза, переспросил он.

– Борис Михалыч, – уже жестко напомнил я ему.

– Да-да, Борисыч, ты меня извини, но давай начнём после обеда. Поспать мне надо. – «Дед» уже виновато смотрел на меня.

– Лады, – согласившись, я развернулся и вышел из каюты, стараясь не показывать своё раздражение и злость от полученного общения.

Но надо начинать знакомиться с судном, поэтому, увидев рядом с каютой старшего механика каюту второго механика, я постучал в неё.

Со вторым механиком – Евгением – мы встречались во Владивостоке. Это был спокойный, неразговорчивый мужик моего возраста. В пароходстве он работал старшим механиком, но тут из-за неважного, мягко говоря, знания английского языка его взяли только вторым. Он на неделю раньше меня выехал из Владивостока и только после постановки судна к причалу его привезли на судно.

Из каюты раздалось негромкое приглашение:

– Кому чего надо? Заходи. Дверь не заперта, – перемежаемое такими до боли знакомыми русскими междометиями.

Толкнув дверь, я вошёл в каюту.

Если в каюте «деда» ещё был относительный порядок, исключая разгром на банкетном столике, то тут стоял настоящий кавардак.

Стол завален чертежами и папками, на диване валялись одеяла и различная одежда, в углу свалена грязная роба, а посередине каюты стоял Евгений и переодевался в свежий комбез.

Увидев меня, он изобразил на лице подобие улыбки и сделал шаг навстречу.

– Я приветствую вас на борту этого сраного корыта, – негромко проговорил он, криво усмехаясь.

– Привет-привет. – Я в приветствии тряхнул его руку. – Чего так пессимистично? – не понял я его.

– А что, не видно? – Он невесело смотрел на меня.

– Пока ещё не врубился, куда я попал, но чувствую, что глубоко в задницу, – так же невесело ответил я.

– Во-во, именно там мы сейчас и находимся. – Тон Евгенича не изменился. – Да что тут говорить... – Он полностью застегнул молнию на комбезе. – Пошли в машину. Сам всё увидишь. – И, увлекая меня за собой, направился к выходу.

Выйдя в коридор, он вынул ключ из кармана и, отвечая на мой удивленный взгляд, пояснил:

– Каюту всегда закрывай. Мало ли кто тут может шараться. Это тебе не на нашем флоте, где всем гостям всегда рады. Тут и воры могут ошиваться.

Он запер каюту и мы прошли к лифту.

Евгенич нажал кнопку с надписью «ЦПУ» (центральный пост управления), и, спустившись до самого низа, мы вышли в просторном, хорошо освещенном помещении.

По ушам сразу ударил звук работающего дизель-генератора, стоял запах горячего железа и нагретого масла.

Палуба в этом помещении красилась очень давно, поэтому её когда-то зеленый цвет поменялся на непонятный – как говорил один из боцманов ещё в моей юности, на сюзюлевый. Но освещение было в норме. Флуоресцентные лампы ярко освещали это помещение. Посмотрев налево, я увидел огромную фекальную установку и такие же внушительного размера воздушные баллоны с установленными рядом воздушными компрессорами.

– Не работает, – сразу объяснил Евгений, увидев мой взгляд на фекальную установку. – Тут много чего не работает после этих долбанных греков, – и, махнув мне рукой, чтобы я следовал за ним, повернул за угол, где находился вход в ЦПУ.

Войдя в ЦПУ, я огляделся. Здесь было тихо и чисто, хотя резиновый коврик, уложенный вдоль ГРЩ (главный распределительный щит), смотрелся чуть ли не чёрным и вздымался от пропитавшего его масла пузырями.

Пульт управления главным двигателем выглядел чистым, а над ним разноцветными огоньками светилась мнемосхема всех механизмов машинного отделения. Так как главный двигатель стоял, то большинство лампочек на нём горело красным цветом.

В ЦПУ сидело несколько человек, которые, прервав разговор, с любопытством смотрели на меня. Я понял, что это вахтенные мотористы и механики, пришедшие на утреннюю разводку.

– Доброе утро, – вразнобой приветствовали они меня с Евгением.

– Доброе утро всем, – ответил я на приветствие, подняв согнутую в локте руку. – Я ваш новый старший механик, – и посмотрел на своих будущих подчиненных.

– Доброе утро, сэр, – так же негромко, вразнобой отреагировали они на моё известие.

Только один из присутствующих сказал это по-русски. Я

тут же понял, что это третий механик, и, подойдя к этому серьезному парню с трехдневной щетиной и русым ёжиком волос, протянул руку:

– Борис Михалыч, – на что тот встал с кресла, установленного перед рычагами управления ГД (главным двигателем), и, оказавшись чуть выше меня ростом, представился:

– Сергей, третий механик.

– Очень приятно, Сергей. Значит, поработаем вместе. Сколько ещё до конца контракта осталось?

– Четыре месяца и осталось. – Сергей энергично тряхнул мою ладонь.

– Откуда сам будешь? – я с любопытством разглядывая этого интересного высокого блондина с голубыми глазами.

– С Адесы мы будем, – с улыбкой ответил он.

– Что-то много вас, одесситов, собралось тут, – пошутил я, продолжая смотреть в глаза Сергею.

– Зато не скучно, – уже весело ответил он на мою шутку.

Я перевёл взгляд на высокого филиппинца и тоже протянул ему руку:

– Старший механик.

– Рад вас видеть, сэр. Четвертый механик, – ответил тот, осторожно пожав мою ладонь.

Но, несмотря на всю эту вежливость и осторожность, я ощутил задубелость кожи на его ладони, что мне сразу подсказало, что этот парень далеко не белоручка и не чурается никакой работы.

– Как тебя зовут? – поинтересовался я, соблюдая процедуру знакомства.

– Дональд, сэр, – четко ответил четвертый механик, вытянувшись передо мной.

– Рад встрече с тобой, Дональд.

И, отпустив его руку, перешел к следующему члену уже моей команды.

– Старший механик. – Я также протянул ему руку.

– Рад вас видеть, сэр. Электришен, – четко ответил невысокий, с кожей более смуглой, чем у Дональда, круглолицый брюнет. И, опережая мой следующий вопрос, представился: – Аунг.

– Откуда будешь, Аунг? – с удивлением смотрел я на электромеханика.

– Из Мьянмы, сэр, – так же четко ответил Аунг.

– Рад встрече с тобой, Аунг, – энергично потрянул я его руку. Ручка у этого бирманца оказалась не такой заскорузлой, как у третьего и четвертого, но узкой и жилистой.

– А это мой второй электромеханик Ромио и электрик Марио, – показал Аунг на двух молодых невысоких филиппинцев, поднявшихся при его словах.

– Рад встрече с вами, парни.

Я по очереди пожал им руки, на что они в ответ пожали мне обеими руками протянутую ладонь.

– А это наши вахтенные мотористы. – Евгенич показал на пару филиппинцев, скромно стоящих за спинами механи-

ков. – Кермак и Марк. – Он по очереди показал мне на каждого из них. – А есть ещё Хасан, но он стоит вахту с ноля до четырех, поэтому сейчас спит.

– Понятно, – медленно произнёс я, усаживаясь на освободившееся кресло. – А фиттера, как я понял, нет.

– Нетути, – развел руками Евгенич. – Руку сломал. Сначала в госпиталь отвезли, а потом и домой отправили. Но обещают на днях прислать вместо него для усиления нашей машинной команды, – он обвел руками присутствующих, – другого фиттера.

– Понятно, – принял я у второго информацию и посоветовал ему: – Давай, Евгенич, распределяй людей по работам. План же у тебя есть?

– Планов у нас миллион, – отреагировал на мои слова Евгенич, – по судну список на шестьдесят замечаний, а по машине – двадцать пять. Так что тут спокойно не посидишь. Пахать надо. К третьему числу надо все их устранить. Вот и пашем до десяти вечера. У этих, – он кивнул в сторону мотористов, – переработка идёт, а нам, механикам, её не положено, так что за оклад пашем.

Он отвернулся к механикам и эмоционально по-русски, подкрепляя жестами те слова и команды, которые не знал по-английски, начал распределять людей на сегодняшние работы. А я, взяв в руки машинный журнал, начал листать его и, найдя в нём список замечаний, принялся изучать его.

Закончив с разводкой, Евгенич позвал меня:

– Михалыч, пошли на «разведку», посмотришь местные красоты, – направляясь в выходу из ЦПУ.

– Пошли. – и, оторвавшись от бумаг, я двинулся за Евгением.

ЦПУ находилось как раз по середине ГД (главного двигателя). Две палубы вниз – основная платформа, а две палубы вверх – крышки цилиндров. Так что ГД оказался высотой с четырехэтажный дом и мощностью около 20 000 лошадиных сил. По советской модификации – МАН 6 ДКРН 900/1400.

Поднявшись к крышкам, Евгений сразу начал объяснять: – Тут вот пара электрических воздуходувок, которые работают только на малом и среднем ходу, а на полном должны отключаться. Но они не отключаются, поэтому больше, чем средний ход, ГД дать не может. Температуры газов начинают зашкаливать за четыреста градусов. Богдан знает. Это мне при смене передал второй, – пояснил он свои знания. – Наверное, – предположил Евгений, – турбинам наступил кирдык, но всем по барабану. Судно идёт не больше девяти узлов. Вот если бы на Японию так ходить в советские времена, – пошутил он, – то иены сами бы сыпались в карманы.

Мы обошли крышки, поднялись палубой выше, где находились различные кладовые, рефустановка и токарка.

Везде грязь, всё разбросано. Всё выглядело крайне неухоженным. Это объяснялось только тем, что судно пару лет стояло на отстое и никому не было нужно.

Чем дальше продолжалась «экскурсия», тем больше расстраивался Евгений. Он выглядел злым и расстроенным от того, в какое говно он вляпался, согласившись приехать на это судно. Он постоянно матерился во время нашего путешествия, продолжавшегося до обеда. А оно и было от чего.

Масло для ГД имело цвет кофе с молоком, что говорило об его обводнении. Где-то в масляную систему поступала вода. То ли из системы охлаждения цилиндров, то ли из системы охлаждения поршней. Пока этого Евгений не знал, а сдавший ему дела механик только пожаловался на повышенный расход воды во время ходового режима. Сейчас поэтому постоянно работали главный масляный насос, чтобы не дать отстояться воде в циркуляционной цистерне и масляный сепаратор, чтобы избавиться от воды в масле.

В работе только один главный масляный насос для главного двигателя. Другой при запуске начинает страшно выть и трястись, а из сальника вытекать струей масло. Евгений даже побоялся мне его запускать.

В дизель-генераторной срач, переборки чуть ли не черного цвета. Создавалось впечатление, что ты попал в пещеру к неандертальцам.

В сепараторной чуть ли не мазут с подволока капает. Всё раскидано, приспособления разбросаны, щиты для их крепления разломаны. Кому надо было их крушить?

Котёл работал только в ручном режиме. А так как сейчас зима и надо обогревать надстройку и машину, то моторист

почти каждый час должен запускать его вручную, нагонять пар и останавливать.

А если к этому добавить, что судно арестовано портовыми властями из-за разлива топлива и шестидесяти замечаний, то мне становилось понятно, что здесь творится.

Увидев всё это, я расстроился не меньше Евгенича, и желание всё бросить и уехать только и свербило мне мозг.

Вспомнился анекдот, где надсмотрщик в тюрьме, проходя мимо камер с заключенными и не услышав ответ одного из них, только усмехнулся: «А куда ты денешься с подводной лодки». Но не подводная лодка, но контракт подписан и от этого уже никуда не денешься. Придется работать, если хочешь выжить и не сгинуть после выхода судна в море. Сейчас же главной задачей стояло – это устранить все замечания, выставленные портовыми властями и выйти в рейс.

На обед мы с Евгением припозднились и поэтому в кают-компании находились только вдвоем.

Быстро закинули в себя обед, продолжая обсуждать машинные проблемы и то, что предстоит сделать в ближайшее время, поэтому на вкус пищи особого внимания я как-то не обратил и только выйдя из кают-компании понял, что обед оказался очень вкусным.

Передохнув с полчаса, я направился к «деду». Он пообедал передо мной. Дверь в его каюту была открыта и он, сидя за письменным столом, перебирал бумаги.

Стукнув для приличия в косяк двери пару раз, я вошёл в каюту. При моём появлении Василич только оторвал голову от бумаг и искоса посмотрел на меня. Я заметил, что каждое движение ему дается с трудом, но он приподнялся в кресле и на моё:

– Привет, Василич, – неохотно ответил:

– Привет, проходи, бери стул. – Указав на один из стульев у банкетного столика. – Садись, буду тебе рассказывать и показывать, как мы докатились до такой жизни, – хмуро пошутил он.

Устроившись рядом, я ощутил миазмы перегара, невидимым облаком витающие над «дедом», но я был не настолько привередлив, чтобы прикрываться от них. Ну, воняет – так и пусть воняет, мало ли что могло приключиться с человеком. За свою жизнь на флоте я нанюхался и не таких запахов. Так что, не обращая внимание на «амбре» «деда», я сосредоточился на бумагах, которые он приготовил для ознакомления.

Хорошо, что он хоть так поступил, а то некоторые только пальцем укажут на гору папок: «Там всё есть, сам разберешься», – хватают чемодан и валят с борта, так что пятки сверкают.

Но Василич обстоятельно принялся объяснять мне, как составлять месячный отчёт и что для этого надо делать. Потом мы спустились с ним в судовой офис, где он подробно, под запись, объяснил мне, как на компьютере пользоваться

программой «Титан» для отчетности перед компанией. Компьютер на судне был один, поэтому, чтобы никто не играл в игрушки и попусту не открывал его, на нём установили пароль, который Василич сообщил мне под большим секретом.

С объемом предстоящих работ я уже ознакомился и представлял, что мне надо сделать в ближайшее время. Только как это сделать, я ещё не понимал. Но, положившись на русский авось, махнул на всё рукой и подписал акт передачи дел.

Василич тут же достал пиво из холодильника и уже в неофициальной беседе поведал мне эпопею балкера «Фредерике Зельмер».

Видать, Василич забыл, как меня зовут и обращался ко мне безлично, а я ему и не напоминал об этом.

Конечно, в своём рассказе Василич упирал на то, что он такой работяга и самостоятельно восстановил всё машинное отделение после длительного простоя. Его, как непревзойденного специалиста, сняли с предыдущего судна, где он отработал три месяца, и направили для реанимации «убитого» парохода.

А что я мог сказать ему? Поживём – увидим, что ты успел и смог сделать, а что мне придется делать самому. Если человеку хочется похвастаться своим умением, так пусть он этим и занимается, если ему нравится это занятие. Умалять его заслуг я не собирался. Ну, сделал так сделал. Молодец, что сказать. За это тебе и зарплату платят. Кстати, мой оклад оказался на триста баксов меньше, чем у этого непревзой-

денного специалиста.

Так мы и просидели с ним до ужина.

Я всё время искоса поглядывал на настенные часы, а когда стрелка приблизилась к семнадцати, поднялся и предложил:

– Время ужина, – постучал я по своим наручным часам, – святое дело. Пошли перекусим.

– Что-то особого желания нет идти туда. – Василич взглядом показал куда-то в сторону. – Я лучше посижу тут, пивка попью, пока агент не приехал, – и тоже посмотрел на часы. – Где-то через час он и приедет. В аэропорт поеду, – мечтательно произнёс он. – Сегодня уже в Киеве буду, ну а завтра поутру – здравствуй, Адеса-мама! – Закончив свои мечты, он протяжно потянулся в кресле.

– Да, кстати, – напомнил он мне, – каюту я закрою, а ключ оставляю у чифа. Держи тут дверь всегда закрытой, а то может всё что хочешь произойти, – и открыл очередную банку с пивом, а я пошёл переодеваться на ужин.

Пужинав, я вновь переоделся в комбинезон, который уже кое-где имел следы соприкосновения с механизмами машинного отделения и вернулся в машину, чтобы закрепить в памяти всё то, что сегодня увидел и о чём мне рассказывали Евгений и Василич.

А Василич попил ещё пивка, оставив после себя в каюте срач и половину ящика пива. Хорошо, что хоть ключ от ка-

юты не забыл оставить у старпома.

Около девяти вечера старпом позвонил в ЦПУ и попросил меня подняться и забрать у него ключ.

Поднявшись к нему в каюту, которая оказалась на одной палубе с моей будущей каютой, я перекинулся с ним парой слов и пошёл в своё новое обиталище, где копался в бумагах, пока в глазах не стало рябить.

Поняв, что уже поздно, а с утра надо опять приниматься за работу, я вернулся в лазарет, потому что, по обещанию старпома, мессбой только завтра сделает приборку в каюте стармеха и поменяет постельное бельё.

Глава третья

День третий. 26 декабря

После завтрака, переодевшись в робу, я спустился в ЦПУ.

Немногочисленная машинная команда уже ждала меня. Кермак заступал на вахту, Марк же сдавал её. Механики у причала несли суточные вахты и сегодня на вахте находился третий механик. У электромеханика был обычный рабочий день.

Сегодня я не стал разводить демократию с индивидуальным пожиманием рук и поздоровался со всеми, приподняв руку:

– Доброе утро всем!

В ответ слышалось вразнобой:

– Доброе утро, сэр.

– Ну, тогда начнём наше утро с того, чтобы каждый из вас, – я внимательно посмотрел на наблюдавших за мной механиков и мотористов, – четко знал, что каждому предстоит сделать. К концу рабочего дня прошу всех докладывать мне, что он сегодня сделал, и тогда я буду знать, что мы сможем сделать завтра. У нас по машине почти тридцать замечаний от порт-контроля и мы должны к третьему января все их устранить.

– Это нереально, – по-русски возразил мне третий меха-

ник.

– Ничего нет нереального, – уже по-английски ответил я ему. – Поэтому ты пойдешь настраивать котёл. Если понадобится помощь электромехаников, то подойдешь ко мне и я тебе их дам.

– А если мне электромеханик нужен будет постоянно? – нагло возрился на меня третий.

– Значит, грош тебе цена, – по-русски ответил я ему, а по-английски продолжил: – Вначале начни с механической настройки, а когда понадобится электришен, тогда и поговорим об этом.

– Ну, тогда мне будет нужен и моторист, – потребовал третий.

– Моторист пойдет со мной и вторым дергать масляный насос, поэтому он может помогать тебе только в крайнем случае. Работай сам. Посмотрим, на что ты способен. – Я насмешливо посмотрел в глаза третьему.

После такого объяснения он, скрипнув зубами, зло затушил в пепельнице сигарету и, хлопнув дверью, направился в сторону котла.

Все продолжали с вниманием смотреть на меня, ожидая, что же я приготовил для каждого из них.

– Четвертый, – обратился я к Дональду, – а ты продолжаешь с матросами убирать топливо с палубы. По окончании работ доложишь мне и старпому. Мы всё проверим. Не забудь, чтобы все бочки были закрыты и привязаны к леерам.

Мы вызовем людей для чистки sludge-танка, вот они и заберут их вместе с грязной ветошью. Понятно?

– Всё ясно, сэр! – подскочил на месте четвертый механик. – Разрешите идти?

– Иди, – махнул я ему рукой. – Только не забудь доложить, что ты сделал за сегодня.

– Есть, сэр! – И он тут же вышел из ЦПУ.

Я оглядел оставшихся и выдал им информацию:

– А я со вторым механиком пойду разбирать главный масляный насос. Посмотрим, что с ним случилось и что мы сможем с ним сделать. Если ничего не сможем, то я доложу об этом суперинтенданту – и пусть он сдаёт его здесь в ремонт.

– Ты чё, Михалыч? – тут же возмутился второй механик. – Это не наше дело – колупаться с насосами. Добро бы, если это был гидрофорный насос, а тут главный масляный... – Он для придания значения своим словам даже приподнял над головой указательный палец. – Ты знаешь, сколько он весит и как его разбирать?

– Не переживай. – Я удивился настроению Евгенича: вроде бы мы с ним уже это обсуждали, а тут он что-то встал на дыбы. – Посмотрел я вчера инструкцию и чертежи насоса. Ничего в нём сложного нет. Обычный винтовой насос. Я таких за свою жизнь с десятков разобрал и собрал.

– Вот-вот, – продолжал в том же духе Евгенич, – разобрать-то мы его разберем, а вот как со сборкой быть? А если

у нас ЗИПа для него не будет?

– Так сальник же есть? – Я посмотрел на второго. – Ты же мне сам об этом говорил вчера.

– Сальник-то есть, – уже на попятную пошёл второй. – А если вал задран и не подойдёт?

– Не переживай, Евгенич, – похлопал я второго по плечу. – Вот мы всё разберём, посмотрим, а потом я всё суперу опишу и обрисую. Приедет, сам посмотрит и тогда уже решит, что надо делать с этим насосом.

– Ну, если так, то давай, – неохотно согласился Евгенич и, почесав в затылке, посмотрел на меня и примирительно добавил: – Вскрытие покажет. Когда начинаем? – тут же задал он первый деловой вопрос.

– А сейчас и начнём, – пожал я плечами и обратился к электришену. – Так, Аунг, бери своих помощников, – я указал на Ромио и Марио, – идите и принесите вниз к насосу тали, тросá, ключи, и будем снимать электромотор, а потом и насос разберём. Понял? – Для убедительности спросил я электромеханика.

– Да, сэр. – Аунг с готовностью смотрел на меня, пытаясь глазами сожрать от усердия, которое он постарался изобразить у себя на лице. Невольно вспомнился указ Петра Первого: *«Подчиненный перед лицом начальствующим должен иметь вид лихой и придурковатый, дабы разумением своим не смущать начальство»*.

– Идите, – улыбнувшись от вспомнившегося, махнул я

ему рукой и он с электриками вышел из ЦПУ.

– Ну, и мы с тобой, Евгенич, пошли. Попробуем разобраться, что он там гудит и маслом брызжет в разные стороны. Перчатки есть? – Это я уже добавил с просьбой, поглядывая на недовольного Евгенича.

– Были, – неохотно воспринял мой энтузиазм Евгенич и, как каждый экономный второй механик, которому жаль расставаться с каждым болтиком, нажитым непосильным трудом, кивнул головой. – Пошли, посмотрим тебе перчатки. – Хотя я был уверен, что этого барахла у него достаточно.

Зашли в токарку, а пока Евгенич из потаённых закровов доставал перчатки, я выбрал наборы головок и ключей и нашёл небольшую кувалдочку с короткой ручкой.

Когда мы спустились вниз, то электромеханики уже отдавали кабели в клеммной коробке, а электрик вешал тросик на рым над насосом. Второй электромеханик помог ему зацепить таль, а мы ждали, пока Аунг закончит работу с кабелями.

А там уже дело пошло по накатанной. Отдали гайки на электромоторе и сняли его. Затем отдали фонарь и тоже сняли. Электрика я отправил в льяла, чтобы он приспустил масло с корпуса насоса в ведро, а после этого сняли верхнюю плиту. Всё шло быстро и споро. Никто никого не гонял и не помыкал. Люди знали своё дело, так что особых команд и криков не слышалось.

Так же спокойно вытащили винты и осмотрели их.

На приводном валу обнаружили задиры и повышенный износ упорного гребня.

Но тут с выпученными глазами прибежал третий.

– Михалыч! – чуть ли не кричал он, несмотря на то что внизу, в машине, стояла относительная тишина и шум работающего дизель-генератора не мешал разговаривать спокойно, не повышая голоса. – Все! Трындец! – трагично заявил он. – Котлу – хана! Без электришена я ничего дальше сделать не смогу.

– Очень плохо. – Я спокойно посмотрел на всклокоченного третьего механика. – А учиться всему и всегда надо. Но ладно, – успокоил я возбужденного Серёгу, – бери Аунга с Марио и продолжайте разбираться с котлом дальше.

Удовлетворенный таким ответом на свою просьбу, Серёга подхватил электромехаников, и они ушли к котлу.

Евгенич «сбегал» за штангенциркулем для обмера валов в токарку, а это надо подняться на пятую палубу. Обмерив валы и степень их износа, я решил:

– Давай попробуем зашлифовать вал, немного проточить гребень и на него выточить шайбу.

– Как ты её выточишь? – с непониманием воззрился на меня Евгенич. – Я такую выточить не смогу, да и фиттера сейчас нет, а когда он будет, одному богу известно. Да и что за фиттера пришлют, ещё непонятно.

– Да не переживай ты так, – попытался я успокоить Евгенича, – я выточу. Опыт есть.

– Да ну? – подозрительно посмотрел на меня Евгений. – А где ты размеры этой шайбы возьмёшь?

– Вот ты говорил, что это не первый задранный вал. – Я вопросительно посмотрел на Евгения.

– Да, – согласился он со мной, – лежат там на стеллажах несколько бэушных валов.

– Вот мы их и померим, – попытался я спокойно объяснить Евгеничу ход своих мыслей, – и выточим эту шайбу, а потом напрессуем её на вал.

– Давай попробуем, – всё так же с недоверием смотрел на меня Евгений, но чувствовалось, что я его в чём-то убедил.

Евгенич опустил гак тельфера до самого низа и мы подняли вал в токарку, а то что-то не очень хотелось тащить на себе килограммов тридцать металла на пятый этаж.

Там Евгений показал мне на старые валы и, обмерив их, мы пришли к выводу, какой высоты должен быть упорный гребень, размеры которого на румынских чертежах не написаны. Я встал к токарному станку, зашлифовал вал и выточил дополнительную шайбу.

Станок был мне знаком. На всех советских пароходах стояли такие же. Наверное, СССР распространял их в своё время по всему социалистическому лагерю.

Шайбу положили в масло и нагрели на плитке, а перед её посадкой на вал, обмотали вал телогрейкой, засунули туда шланг от углекислотного огнетушителя и выпустили почти

половину заряда.

После таких манипуляций шайба легко села на место, а мы тем временем пошли перекурить в ЦПУ.

После перекура, убедившись, что шайба плотно сидит на валу, я вновь поставил вал в станок и, шлифанув и измерив его ещё раз, убедился, что всё сделано как надо. А потом опустили отремонтированный вал вниз.

Тут уже к нам подошёл электромеханик.

– Ну, как там дела с котлом? – поинтересовался я у него.

– Чего-то я не пойму, – начал мне нудно объяснять Аунг. – То он работает хорошо, а потом почему-то даёт сбой.

– Завтра попробуем разобраться, – успокоил я его, – а сейчас давай закончим с насосом.

Насос быстро собрали и запустили в работу. Вначале он гудел чуть громче рабочего насоса, но через час этот гул стал проходить, а через несколько часов вообще исчез. Сальник масло не пропускал. Угадал я с высотой упорного гребня. Повезло.

Второй механик остался в машине наводить порядок с вахтенными в сепараторной, а третьему я сказал, чтобы он в течение вахты наблюдал за котлом и продолжал наводить порядок в дизель-генераторной.

– Да я что, моторист, что ли? – недовольно отреагировал он на моё решение.

– Понадобится – и будешь им. – Я фамильярно похлопал его по плечу. – А порядок с инструментом должен не мо-

торист наводить, а ты сам. Так что всё перемыть, ящики отремонтировать и инструмент сложить в них и развесить по штатным местам. Понятно? – уже жестко закончил я беседу.

– Понятно, – недовольно протянул Серёга, скрипя зубами.

На его лице было чуть ли не написано: «Ну и свалился же мне на голову этот зануда». Но я в ответ на его невысказанные эмоции только усмехнулся и пошёл ужинать.

Весь вечер я опять посвятил изучению документации. Часов в десять вечера прибежал четвертый механик и бодро доложил:

– Чиф, мы всё убрали, можешь идти проверять.

Я удивился, но виду не подал. Он называл меня не «сэр», а «чиф», видно уже записав в разряд «своих» механиков. От этого мне даже стало приятно.

Поднявшись из-за стола и накинув «алюску», я крикнул в коридор:

– Олег! Пошли палубу смотреть, – и, взяв фонарь, направился на палубу.

Вскоре туда вышел и старпом. Мы осмотрели загрязненную площадь и остались довольны. Порядок в этом районе палубная команда навела действительно идеальный. От химии, которой обрабатывали палубу, ещё немного пованивало, но всё блесело и придраться было уже не к чему. Тут даже не могло возникнуть и мысли, что пару дней назад здесь, за выгородкой из досок, находилось застывшее топливо.

Старпом отпустил команду отдыхать, а мы, встав у трапа, смотрели на берег и тихо переговаривались. Погода как раз и располагала к этому.

Вокруг стояла абсолютная тишина. Сюда не доносился шум большого города, сполохи света от которого возникали на горизонте то тут, то там, и только от работающего где-то внизу дизель-генератора ощущалась небольшая вибрация корпуса судна.

На причалах пустынно, и на них только кое-где несколько фонарей раздвигали мрак ночи. Ни ветерка. Лужи на асфальте причала отражали свет фонарей надстройки, воздух прохладный и чистый. И это всё в конце декабря! Мне даже не верилось, что такое вообще могло быть в Европе. Ведь когда меня несколько дней назад в аэропорту Владивостока провожала жена, то там на улице было минус девятнадцать и дул пронзительный ветер, от которого кровь стыла в жилах и хотелось побыстрее скрыться от этих прелестей приближающегося Нового года.

А тут мы спокойно стояли, смотрели на берег, переговаривались и даже не накидывали на голову капюшоны «алюски».

Напротив судна виднелись полуразрушенные пакгаузы, которые в темноте напоминали развалины какого-то загадочного старинного замка.

– Чего это они такие? – кивнул я на разломанные строения, закуривая очередную сигарету.

– Их ещё громили, когда нас только поставили к причалу, – принялся рассказывать Олег. – Их, как сказал мне агент, вообще хотят снести, да какой-то новый офис выстроить. Тут такой грохот стоял, когда кран стены крушил вот таким ядром, – показал он мне размеры ядра. – Но ни пыли, ни грязи не было. Тут же мусор собирался, и самосвалы один за другим его вывозили. Видишь, какой порядок они на Кристмас оставили? – Он указал на чистый причал.

Причал в этом районе и в самом деле смотрелся чистым. Никакой грязи и следов проделанной работы.

Постояв ещё немного и подышав свежим воздухом, мы поднялись к себе на палубу и разошлись по каютам. Время позднее, надо готовиться ко сну.

Я перенёс вещи из лазарета в свою новую каюту и с удовольствием растянулся на свежих хрустящих простынях.

Вот и началась моя новая морская жизнь на ближайшие полгода.

Глава четвертая

День четвертый. 27 декабря

На завтраке ко мне подошёл мессбой и вежливо спросил: – Чиф, а когда к вам можно будет зайти и сделать приборку в каюте?

«Нормально работает филиппинское радио, – подумалось мне. – Уже и тут всё разнеслось. Уже не сэр, а чиф. Зауважали, что ли?»

– А когда ты обычно делаешь приборку? – поднял я на него глаза, потому что только что разглядывал на тарелке аккуратно обжаренный бекон, окруженный зеленым горошком и какими-то овощами.

– Обычно после кофе-тайма, – вежливо начал объяснять он.

– Ну, тогда приходи в ЦПУ после кофе-тайма и я дам тебе ключ, – потому что ключ был только один и в течение дня он мне мог понадобиться.

– Спасибо, чиф, – поклонился мессбой и скрылся у себе в буфетной.

Переодевшись в каюте, я спустился в ЦПУ. Разводка началась, как обычно, с пожелания доброго утра и хорошего настроения.

Первым делом я спросил у третьего механика:

– Как дела с котлом? Каких вы там с ним добились успехов? – и в ожидании подробного отчета уставился на Серёгу, потому что он мне вчера не доложил о проделанной работе и я был не в курсе о состоянии котла.

– Да задрал он меня! – раздраженно ответил третий. – Чуть ли не каждый час срабатывает, – и нервно затушил сигарету.

– Понял, – принял я его ответ. – Значит, сейчас пойдем и начнём его делать.

– А я после вахты, – нагло заявил третий. – Спать хочу.

– Вот когда у тебя всё будет работать, тогда ты будешь и спать, и есть, и стоять на голове, и всё что захочешь, – спокойно отреагировал я на его требования, – а сейчас, милый мой, пошли-ка к котлу и будем выяснять, что же в нём не работает.

На такой ответ третий опять со злости проскрипел зубами, но подчинился. Мне даже стало интересно, насколько хватит крепости его зубов, если он будет ими так постоянно скрипеть.

Махнув рукой электромеханикам, я позвал их:

– Пошли со мной. – И мы все вместе вышли из ЦПУ.

Котел находился на той же палубе, что и токарка, так что, поднявшись на пару трапов, мы оказались возле него, любимого.

Он работал в ручном режиме, так что при поднятии пара до рабочего давления его приходилось выключать специаль-

ным тумблером, а когда давление опускалось до минимума — вновь запускать вручную, наблюдая за манометром, пламенем в топке и уровнем воды в стеклах.

Опыт работы с котлами у меня был. Когда я работал третьим механиком на ледоколе «Адмирал Макаров», то мне там пришлось здорово поработать над ними, чтобы довести их до ума. Благо учителя оказались хорошие. Советы старшего электромеханика и второго механика мне тогда здорово помогли, поэтому в памяти четко зафиксировались все нюансы настройки автоматики и работы котлов.

Осмотрев всё оборудование, я понял, что с самим котлом всё нормально, а неисправность кроется где-то в электрических схемах.

Когда мне пришлось работать на костере и я в машине находился один во всех лицах, то с электричеством «бороться» мне помогал капитан. Веселый, общительный и не обде-

ленный юмором парень. Одна из его любимых фраз звучала примерно так: «А сейчас мы всё понюхаем и посмотрим, где же какая зараза имеет не тот цвет».

А один из моих вторых механиков даже телевизоры ремонтировал «методом трубопроводов». Он водил пальцем по электрической схеме и бубнил себе под нос: «А сюда оно затекает, полилось туда и притекло сюда, а вытекло отсюда».

Пользуясь такими «гениальными» способами, я проверил все щиты, электронные платы и пощелкал тумблерами. На одной из электронных плат в одном месте канавка между двумя какими-то вертикальными цилиндриками (если бы я ещё знал, как они называются) имела цвет побежалости, а сами они как-то скособочились. Из-за этого я понял, что они сгорели и плата из-за этого пришла в негодность.

Проверить её я не мог, но надо что-то делать, чтобы запустить котел на автомате. Напрашивался однозначный ответ. Плату надо чем-то заменить. Вопрос возникал только один: где её взять?

Я посмотрел на электромехаников, неотступно следовавших за мной. Аунг постоянно держал в руках тестер, и он так же, как и я, внюхивался в каждый контактор в щитках управления котлом.

– А у тебя на него, – я указал ему на ящик, в котором нахо-

дилась эта подозрительная плата, – есть какой-нибудь ЗИП?

– Нет, чиф, никакого ЗИПа нет, – разочарованно развел руками Аунг.

– А б/у ящик какой-нибудь есть? – попытался я выяснить, хватаясь за последнюю соломинку, которая могла бы помочь выбраться из создавшейся ситуации.

– На полках в кладовке много чего есть, – растерянно хлопая глазами, мямлил электришен, – но там всё поломанное и я не знаю, можно ли что-нибудь выбрать.

– Пошли, – приказал я ему и направился в электротехническую кладовую.

В ней я ещё не был и поэтому, войдя туда, какое-то время находился в шоке. В кладовой все полки оказались заваленными горами барахла. Именно заваленными, а не сложенными. На них всё лежало в полнейшем беспорядке и было абсолютно непонятно, почему оно тут хранится, если негодное и никому не нужное.

С удивлением посмотрев на Аунга, я попытался хоть что-то прояснить для себя:

– А ты вообще знаешь, что тут лежит? – указал я ему на полки.

– Нет, чиф, не знаю. – Аунг всегда давал только один ответ, о чём бы я его ни спрашивал.

Пораженный его детской простотой, я все-таки, надеясь на чудо, спросил:

– А есть тут что-нибудь, что может подойти к котлу?

Уже в отчаянии, что с ремонтом котла ничего не получится, я смотрел на растерявшегося Аунга.

– Есть тут одна полка, на которой написано «КОТЁЛ», – растерянно промямлил он, – но что на ней лежит, я не знаю, – как всегда честно сознался он.

Аунг подвел меня к одной из полок, где я долго копался, вытаскивая барахло, сваленное там в кучу, и скидывая его на палубу.

Наконец-то я нашёл два старых ящика от автоматики котла, которые кто-то когда-то сюда положил по неизвестной причине. Они были без бирок и дат, когда произошло их снятие.

Открыв их, я обнаружил, что в них находились электронные платы, похожие на те, что установлены в наших ящиках, даже некоторые номера на них совпадали. Осторожно разобрав это «богатство», я выбрал всё, что подходило бы к нашим ящикам и методом проб и ошибок, постоянно что-то меняя из найденного ЗИПа, пытался запустить котел.

За спиной чувствовался ироничный взгляд третьего механика. «Давай, давай... – показывал весь его надменный вид. – Посмотрим, что ты там за спец такой. Много мы вас таких тут видали, которые только и знают, что бегают и орут...».

Хорошо, что Аунг находился рядом и беспрекословно помогал мне менять платы, да Ромио бегал по любому приказанию со скоростью молнии. Хоть это меня успокаивало и при-

давало уверенности в своих действиях.

И вот, после очередной замены одной из плат, котёл запустился на автомате. Вначале он раза два-три срабатывал по срыву пламени, а когда я заменил фотоэлемент с более-менее чистым зеркалом, то начал работать без замечаний.

Радости не было предела. Ромио даже прыгал и громко, гортанными криками выражал свою радость. Аунг в недоумении от того, что всё получилось, растерянно улыбался. Даже третий механик, сменив скептицизм на милость, подошел ко мне:

– Ну вы даете, Михалыч! А то я уже думал, что опять придется от Бóгдана всякую хрень выслушивать.

Да и мне самому было приятно, что всё так получилось. Вообще-то я мало надеялся на положительный результат своего, так называемого ремонта. В данной ситуации мне просто повезло. Пронаблюдав за парой успешных пусков котла, мы вернулись в ЦПУ попить чайку.

Незаметно в ЦПУ просочился Руперт, забрал ключ от каюты и так же по-шпионски исчез.

После кофе-тайма я спросил у четвёртого механика:

– Как дела у тебя с сепаратором льяльных вод (СЛВ)?

– Всё готово, чиф, – четко отрапортовал он. – Трубы я сделал, штуцера и крепления приготовил, надо только всё это сварить. – Он выжидающе смотрел на меня.

– И что? Чего ждёшь? Ты что, трубки сварить не можешь, что ли? – удивился я.

– Нет, чиф, не могу. Я не фиттер.

Я не понял, издевается он надо мной или корчит из себя дурака, поэтому внимательно продолжал смотреть на него, но, поняв, что взглядами тут ничего не добьёшься, начал допытываться:

– А оборудование для сварки есть?

– Есть, сэр, – тут же последовал чёткий ответ.

– И где оно? – меня данная ситуация уже стала напрягать.

– Там, чиф. – Дональд ткнул пальцем куда-то вверх.

– И там есть баллоны, шланги, горелки? – я пытался выяснить, что же мешает четвёртому произвести сварку трубок.

– Всё есть, чиф, только я пользоваться этим не умею, – честно сознался он.

От такой наивной простоты, с которой уже неоднократно сталкивался сегодня, я обалдел. Ведь я тоже когда-то был четвёртым механиком и тоже ничего не умел, даже несмотря на то, что у меня был диплом инженера-судомеханика, но я старался чему-то научиться, а тут – полнейшее отрицалово, которое выводило меня из себя. Но, зная, что бесполезные крики и возмущения ни к чему не приведут, я сдерживал переполняющие меня эмоции.

Вот Серёга Быков, который первым учил меня сварке, – тот не стеснялся в выражениях. Он как только меня не поливал, придумывая мне самые непристойные названия, са-

мыми мягкими из которых были «балбес», «тупица» и «рукожоп».

Мне этого сейчас делать это ни в коем случае нельзя, надо держать себя в руках, поэтому я махнул рукой Дональду и электромеханикам:

– Пошли со мной, – и направился вверх по трапам к выходу на палубу, где располагалась сварочная мастерская.

Перед мастерской стояли в специальных, аккуратно покрашенных ящиках с обозначениями кислородные и ацетиленовые баллоны. Зато дверь в мастерскую оказалась ржавой донельзя и едва открылась.

Внутри мастерской ещё страшнее. Свет – отсутствовал. Пришлось электромеханикам его срочно восстанавливать. Хорошо, что они пошли со мной. Везде всё разбросано и навалено. К ящикам со шлангами невозможно подойти, пришлось минут десять освобождать проход к ним.

Но ничего нет невозможного, если что-то очень сильно хочется сделать.

Настроив шланги, я выбрал горелку и быстро приварил приготовленные трубки к штуцерам. Вроде бы получилось ничего. Мне даже самому понравилась собственная работа. Осмотрев и покрутив сваренные трубки, я вручил их четвёртому механику со словами:

– Иди ставь. Когда всё будет готово – позовёшь меня, проверим работу СЛВ. Понял?

– Есть, чиф! – Довольный Дональд схватил трубки и рва-

нул вниз, но я его остановил.

Приближалось время обеда, и мне очень не хотелось заниматься проверками СЛВ сейчас, поэтому я предупредил Дональда:

– После обеда подготовь все и позови меня, попробуем покатать из льял в танк.

От такого приказа Дональд только расплылся в улыбке. Ему показалось, что я вместо обеда заставлю его испытывать СЛВ, а тут такая поблажка.

А электромеханику напомнил:

– По мастерской у нас тоже есть замечание от порт-контроля, поэтому начинай наводить там порядок, а когда придет фиттер, то и его привлечем к этой работе, – на что Аунг только обреченно кивал головой.

Около двух часов дня Дональд позвонил мне в каюту и пригласил на испытание новой системы СЛВ.

Всё работало отлично и датчик, сигнализирующий о присутствии загрязнений, сработал несколько раз.

Отлично! Ещё одно замечание из списка порт-контроля устранено.

Заглянув в льяла, я опять вновь неприятно удивился. Они оказались заполненными водой.

- В льяльном танке сколько воды? – спросил я Дональда.
- Немного, – что-то прикинув, ответил он.
- Эта вода туда влезет? – уже настойчиво спрашивал я

у четвёртого.

– Должна... – как-то неуверенно промямлил тот.

– Значит, так, – вновь приказал я четвёртому, – откатаешь туда воду из льял и осмотришь все трубы под плитами. Надо посмотреть, откуда там появляется вода, и если найдешь утечки, то ставь на эти трубы хомуты. Понял?

– Ясно, чиф. – У Дональда его прежний энтузиазм исчезал со скоростью выходящего из воздушного шара воздуха.

Но он беспрекословно начал откатку воды из льял, а потом с Хасаном (мотористом с Мальдив, который стоял вахту со вторым механиком) они вскрыли плиты и полезли в деку, где четвёртый нашёл несколько дырявых труб и поставил на них хомуты.

После откатки воды в льялах можно было свободно бродить, высота их составляла около двух метров, да ещё там кое-где горели фонари для освещения этого «подземного» пространства.

Ради интереса я тоже полез туда, переодевшись в чью-то грязную робу и надев резиновые сапоги. Хасан стоял страхующим у открытых плит. Четвёртый занимался поисками протечек воды, а я с фонарем совершал экскурсию не в очень приятном месте. Зато на самой деке я нашёл пару десятков брошенных ключей, отверток и несколько молотков, которые в своё время кто-то уронил в льяла и поленился достать.

К ужину запланированные на сегодня работы я закончил.

Помывшись и поужинав, мы долго болтали со старпомом о жизни, прогуливаясь по причалу и наслаждаясь тишиной и ночной прохладой, а вернувшись в каюту, оставшееся время до полуночи я листал документацию, стараясь изучить особенности этого нового для меня судна.

Глава пятая

День пятый. 28 декабря

Позавтракав, я вернулся в каюту, чтобы переодеться и посвятить день устранению замечаний, выставленных порт-контролем и дальнейшему изучению машинного отделения. Но, этого сделать мне не удалось.

В каюту ввалились пара мужиков. Они даже не постучали, а громко и нагло заявили о своем присутствии:

– Чиф! Ты здесь? Чего у тебя дверь открыта?

Услышав их крики, я вышел из спальни, застёгивая молнию на комбинезоне.

– Тут я. Чего бы вы хотели, господа?

Оба посетителя в теплых куртках, вязаных шапочках, ярко-красных комбинезонах и огромного размера рабочих ботинках – под стать тем, которыми меня снабдили в офисе, стояли по середине каюты.

Оба высокого роста, с красными и небритыми лицами.

Самый здоровый из них протянул мне несколько листов бумаги.

– По заказу вашей компании мы приехали забрать у вас льяльную воду, почистить sludge-танк и помыть деку в машинном отделении. Вы готовы к работам? – Он внимательно смотрел, какую реакцию на меня произведут его слова.

Вообще-то я их не ожидал, у меня на сегодняшний день имелись абсолютно другие планы, но уж если эти мужики появились, то надо обязательно воспользоваться их помощью. Ведь в замечаниях порт-контроля был и этот пункт – по зачистке танков. Поэтому, взяв бумаги и пролистав их, я изобразил радость на лице и доброжелательно ответил:

– Конечно! Мы вас давно ждем. Что же вы так долго ехали к нам?

Самый здоровый, который передал мне бумаги, от этих слов даже смутился, но в оправдание заявил:

– Чиф, так Кристмас же был, все отдыхали, а мне их только вчера передали. – Он кивнул на бумаги.

– Не переживайте, всё нормально, но вот если бы вы мне сказали вчера, что приедете сегодня, то мы бы подготовились к вашему приезду. А так – извините. Танк закрыт, и надо подождать некоторое время, пока мы его откроем. Да и насос откачки нефтяных отходов у нас не в работе.

Старший почесал у себя под шапочкой, размышляя, что же ему делать в создавшейся ситуации, и решил:

– Пока вы открываете танк и настраиваете систему для откачки льяльных вод, мы съездим за шлангами и насосом. Это не займет много времени. – Он с надеждой, что я его пойму правильно, посмотрел на меня. – Да, и ещё одна просьба: нам будут нужны сжатый воздух и пресная вода под давлением.

– Конечно! Всё, что вам надо будет для работы, мы вам дадим. – Я тоже обрадовался, что наша неготовность не вы-

зовет никаких претензий с их стороны. – Когда вы приедете, все горловины на танке будут открыты, и по возможности мы откроем плиты для доступа в деку.

– О'кей, – солидно согласился с моими словами старший и они, потоптавшись в каюте и наследив, покинули её.

Я тут же позвонил в машину. Трубку поднял Евгений и, услышав мой голос, недовольно пробурчал:

– Ты где, Михалыч? Мы тут уже тебя заждались, а ты где-то пропал. Заблудился, что ли, где?

Не обращая внимания на его ворчание, я тут же выдал ему вводные:

– Доброе утро. Это во-первых, – от чего Евгений сразу заткнулся, – и послушай сюда. Приехали мужики за льяльными водами, чистить деку и забрать sludge. Так что настройте систему с насосом для отдачи льяльных вод на берег и открывайте плиты в машине и горловины sludge-танка. Для подробного инструктажа пришли ко мне в каюту четвёртого механика.

– Понятно, – уже более мирным тоном ответил Евгений, и я услышал, как он громко сказал: – Четвёртый, иди к chief engineer, он тебя ждёт.

В ответ я сразу услышал:

– Есть, second, – и послышался хлопок двери в ЦПУ.

– Пошёл он к тебе, – объяснил мне Евгений произошедшие события. – А нам что тогда делать?

– Согласно купленным билетам и действуйте, – пошутил

я. – Список лежит в машинном журнале.

– Понятно, – недовольно протянул Евгений и повесил трубку.

Я тут же позвонил старпому с просьбой выделить пару матросов для шланговки и обеспечения безопасности сдачи льяльных вод.

Вспомнив про грязь в каюте, позвонил мессбою, который ещё не ушёл из кают-компаний.

– Руперт, – приказал я ему, – бери бумагу и застели мне палубу в каюте, а то у меня сегодня будет много визитеров и завтра ты её не отмоешь.

– Есть, чиф, – лаконичный ответил Руперт и повесил трубку.

Требовалось подготовить бумаги согласно требованиям компании о безопасности вновь появившихся работ, чем я и занялся, вытащив пишущую машинку. В компьютере эти бланки отсутствовали, а папки для них уже стояли на полке. Поэтому приходилось все документы печатать на машинке.

Подошёл четвёртый механик и я коротко объяснил, что ему предстоит сделать. Отчеканив:

– Есть, чиф, – он, как бравый оловянный солдатик, развернулся и исчез. Почему-то я верил, что он ни вправо, ни влево не отступит от вводных, которые я ему выдал.

Через час мужики вернулись на судно и вновь запёрлись в мою каюту, но уже не так нагло, как утром. Особенно когда

они увидели, что палуба застелена бумагой, то вообще ходили по каюте чуть ли не на цыпочках.

Получив от меня добро, они растянули шланги, прокинув их с берега до самого танка, и установили насос. Так как у четвёртому сегодня работы оказалось навалом, то я его не трогал, а только периодически контролировал. Дональд и без моих понуканий носился как угорелый между берегом и машиной.

Шланги прокинули через комингсы. Двери с палубы в надстройку и машинное отделение оставили нараспашку. В надстройке и машине стало намного холоднее. Пришлось открыть дополнительные грелки в кондиционерной, чтобы воздух для обогрева шёл теплее.

В каюту ко мне зашёл старпом. Он прошёлся от двери до лобового иллюминатора, посмотрев на палубу, затем к бортовому и бесцельно поглядел в него. Чувствовалось, что он что-то хочет сказать, но не знает, как начать разговор. Я внимательно смотрел за всеми его перемещениями и, не выдержав, спросил:

– Что-нибудь ещё случилось или ты чего хочешь?

Старпом как-то отчужденно посмотрел на меня и начал издали:

– Ты помнишь список замечаний?

– Ещё бы его не помнить, чуть ли не как «Отче наш» каждый день по несколько раз повторяю, – заверил я его.

– А ты в курсе, что у нас там замечание по клинкетным дверям? – Олег остановился и внимательно посмотрел на меня.

– Конечно, но только руки у меня ещё до этого не дошли. – Извиняясь, я развел руками.

– Вот сегодня и надо, чтобы они дошли, – уже напирал на меня старпом.

– А что для этого надо сделать? – Я иронично посмотрел на него.

– А надо пойти туда и попробовать их в работе, может, они пойдут? – неуверенно предположил он.

– Пошли сейчас, пока есть время.

Я встал из-за стола и сложил разбросанные бумаги в папку.

– Прямо сейчас?

Старпом, видимо, не ожидал такого быстрого ответа и в нерешительности смотрел на меня.

– А чего тянуть? – я направился к выходу из каюты. – Всё равно делать-то надо эти двери. Раньше сядешь – раньше выйдешь, – пошутил я и, дождавшись, когда старпом выйдет из каюты, закрыл её на ключ.

Спустившись на палубу матросов и мотористов, старпом подвёл меня к двустворчатой красной стальной двери, встроенной в переборку. Приподняв стеклянную шторку окошка на ящичке для ключей, он вынул оттуда ключ и открыл эту массивную дверь.

И тут я чуть не выругался от вида и состояния ниши, в которой находился агрегат для создания давления в масляной системе. Всё оказалось ржавым, краска везде облупилась, а на днище шкафа плавали лужи масла.

– Да-а-а, – протянул я, увидев эту картину Пикассо. – Да тут конь не валялся! – непроизвольно вырвалось у меня.

– Потому и замечание, – огорченно завершил мои эмоции старпом. – В прошлый раз ни третий помощник, ни четвёртый механик не смогли привести её в действие. Поэтому и замечание записано.

– Давай попробуем, – предложил я ему, осматривая систему и вчитываясь в инструкцию, написанную на потемневшей медной пластине с едва различимыми буквами, но ничего разобрать на ней не смог, потому что краска с букв стёрлась, да и написаны они были по-румынски.

Сбоку же, так скромненько, под пожелтевшим целлофаном, висела ещё какая-то инструкция. Вынув её из пакета, я едва понял, что она написана по-английски, но только буквы на ней уже так выцвели, что их можно было разобрать только с помощью лупы при ярком свете.

– Теперь понятно, почему есть замечание, – зло пробурчал я и, просмотрев инструкцию, принялся накачивать масло в систему. Если бы я не знал, что надо делать для закрытия дверей, то в этом пергаменте, которому было сто лет в обед, я бы ничего не разобрал.

Но как я ни качал, а давление в магистрали не поднима-

лось, распределительные пробки не проворачивались и только приложив значительные усилия, я их провернул.

– Да-а-а ... – запыхавшись протянул я, – здесь только вскрытие поможет. Надо снять агрегат и проверить насос. – Озвучивал я план действий и посмотрел на старпома. – Давай сюда боцмана со своей оравой, чтобы они тут всё зачистили и покрасили, а я пойду за ключами – попытаюсь сделать что-нибудь с насосом.

В машине я нашёл второго механика и рассказал ему о проблеме.

– Да знаю я всё, – зло махнул рукой Евгенич, – но делать насос надо. Иначе мы двери не закроем.

И, взяв пару наборов с ключами, мы поднялись к станции гидравлики.

Разобрать и вытащить насос из бака проблем не вызвало, оставалось только перетащить его в токарку, что и помогли нам сделать подошедшие матросы.

В токарке я разобрал насос и, убедившись, что манжеты на его плунжере полностью изношены, встал в ступор. Манжеты надо менять. Но где их взять?

Но тут я вспомнил, что Василич перед отъездом рассказывал мне про какой-то ящик с резинками в кладовой, что в нём много чего можно интересного найти.

– Слышь, Евгенич, а в кладовке в ящике с резинками манжет не может быть? – с последней надеждой посмотрел я на второго.

— О! — Евгений хлопнул себя по лбу ладонью. — Точно! А я совсем забыл про него.

Почему-то самая нужная вещь всегда находится или в самом низу, или самой последней. В этом случае у нас так и получилось. Манжеты мы нашли в потрепанном старом пакете на самом дне ящика.

Ну а тут уже дело техники. Насос с новыми манжетами собрали, отнесли к станции, залили в него масла, создали давление в системе и двери, как по маслу, сами поехали, правда, перед этим матросы обильно смазали их тавотом.

Я, второй и старпом остались довольны результатом работы, а боцман Эндрю даже выдал несколько экстравагантных танцевальных движений.

— Ну, вот и всё, — подвёл я итог совместной работе. — А теперь матросы пусть тут всё зачистят, покрасят да медную пластину отдраят наждачкой, а потом покрасят лаком, и тогда ещё одно замечание можешь вычеркивать. — Я весело посмотрел на старпома.

— Вот когда повешу новую инструкцию, — Олег показал мне ветхий, пожелтевший листок, напоминающий скорее древний пергамент, а не инструкцию к руководству, — то уже тогда точно можно ставить птицу.

Его шутке мы рассмеялись и двинулись на обед.

На обеде я спросил старпома:

– Слышь, Олег, а про какую это старую втулку и поршни в списке есть замечания?

– А ты что, до сих пор не видел их? – удивился тот.

– Нет, не видел. – Я отрицательно покачал головой.

– Так они же в бассейне лежат, – как о чём-то обычном, спокойно ответил Олег.

Тут уже пришлось удивляться мне:

– В каком бассейне?

– В каком, в каком?.. – усмехнулся Олег. – Да в том, что на корме, на нашей палубе.

– Не-ет, я по надстройке ещё не ходил, – честно сознался я. – Я всё время в машине торчал.

– А надо бы иногда выходить, да на оборудование смотреть, – в шутку съехидничал Олег. – После обеда сходим, посмотрим, – пообещал он мне.

После обеда Олег вывел меня на палубу, открыв дверь ключом. Вот тогда я и вспомнил, что все двери надстройки, кроме одной, у которой стоял вахтенный, держались закрытыми на ключ, поэтому мне так и не удалось выйти на палубу, когда я попытался открыть дверь возле своей каюты.

Бассейн находился на нашей палубе за трубой. Он оказался достаточно глубоким и широким. В него можно было даже нырнуть, но только столбиком и даже поплавать, если в набрать воды. Когда-то давным-давно он покрасили голубой краской, которая сейчас безжизненными лопухами свисала с переборок, напоминая о прежних временах, когда кто-

то в тропиках мог попользоваться этими благами.

В самом бассейне стояла ржавая и грязная от черного нагара втулка от главного двигателя, когда-то снятая с него и за ненадобностью поставленная здесь. Втулка высотой более трех метров оказалась принайтована к леерам ограждения бассейна стальными тросами, а рядом с ней на дне лежало ещё пара поршней, которые также были закреплены тросами.

– Ну и что с ними делать? – я в недоумении смотрел на Олега.

– Бóгдан сказал, чтобы мы вызвали металлоломщика и сдали всё это барахло. – Он указал на ржавые детали главного двигателя, которые больше никогда и никому не пригодятся.

Кто такой этот всемогущий Бóгдан, я понятия не имел, но если на него постоянно ссылаются и действуют согласно его рекомендациям, то и мне следовало бы тоже не отступать от них и прислушиваться к советам этого всезнающего человека.

– А как это сделать? – переспросил я Олега, чтобы уточнить слова мистического Богдана.

– Надо с агентом созвониться, и тогда он закажет металлоломщиков, – как о чём-то обычном пояснил мне Олег.

– Так в чём же дело? – чуть ли не взвился я. – Пошли. У тебя, кстати, его телефон был, – напомнил я Олегу.

– Да, есть он у меня, – подтвердил мои слова Олег и, по-

рывшись в карманах куртки, вытащил несколько визиток.

Просмотрев их, он вручил мне одну из них.

– На, можешь хоть сейчас ему звонить.

Взяв визитку, я спустился к береговому телефону, установленному в специальном ящике у трапа.

Как только я набрал необходимый номер, на другом конце провода сразу же подняли трубку и по голосу я понял, что буду разговаривать с тем мужиком, который привез меня сюда.

– Добрый день, – как можно вежливее проговорил я в трубку. – Это говорит старший механик с «Фредерике Зельмер», если вы помните меня.

– А! Чиф, – радостно прозвучало в трубке. – Конечно, помню! Как дела? Как отметил Кристмас?

– Всё нормально, агент. Дела идут. Стараемся выполнить требования порт-контроля, но у меня возникла одна проблема, которую я без вас никак не смогу решить.

– Что за проблема у тебя возникла? – так же бодро поинтересовался агент.

– Надо сдать в металлолом несколько старых запасных частей от главного двигателя, – попытался я обосновать свой звонок.

– Больших? – прервал меня агент.

– Да, – подтвердил я, – одну втулку высотой три метра и два поршня диаметром около метра.

– Тяжелые? – вновь перебил меня агент.

– Да, – продолжал рассказывать я. – Втулка весом больше трех тонн и поршни тонны по полторы. Я позже выясню их точный вес, – пояснил я.

– Хорошо, – согласился агент. – Я сейчас позвоню одному человеку, который занимается этими делами, и он завтра подъедет. Согласен? – уточнил агент и добавил: – Только выгрузку этих деталей вы должны сделать своими кранами. Понял? – а потом, сделав паузу, осторожно поинтересовался: – Ты хочешь получить наличные за свой металл?

– Конечно, – развеял я его нерешительность, – только наличными.

– Хорошо, я передам это моему знакомому, – заверил меня агент и, сделав паузу, спросил: – Ещё чего-нибудь, чиф?

– Да, – тут же ответил я. – Мне ещё нужно отмыть помещение пожарного насоса и его льяла от мазута и грязи.

– Но эту работу твоя компания не заказывала, – тут же ответил агент.

– Я знаю, – спокойно перебил я его. – А если я рассчитаюсь за эту работу наличными? – и замолчал, давая агенту время переварить полученную информацию.

– Тогда можно, – подумав ответил он.

– Ну вот и отлично! – удовлетворенно подтвердил я слова агента. – Тогда завтра же присылай ко мне и металлоломщиков, и мойщиков. Договорились?

– О'кей, – отозвался агент, о чём-то раздумывая. – Но только ты поставь меня в известность, когда сдашь ме-

талл и когда приедут мойщики.

– Нет проблем, агент. Всё понял! Сразу же позвоню, – радостно, что всё так просто закончилось или только началось, подтвердил я.

– Тогда до завтра, – согласился агент. – Когда всё сдадите, то позвони мне обязательно, – ещё раз напомнил он.

– Всё будет сделано, агент. Можешь быть спокойным, – закончил я разговор.

Конечно, я понимал, что у суперинтенданта сразу же возникнут вопросы, где металлолом и куда делись деньги. Но если я их потрачу на благо судна – для устранения замечаний порт-контроля, то это только поднимет мой рейтинг в глазах суперинтенданта, тем более что такой вопрос, как замывка, просто так не решается и с этим придется бегать самому суперу, когда он приедет после Кристмаса. А тут всё сделано. Для меня это было отлично, для супера хорошо, да и агент наварится на этих сделках, поэтому он и проявил такую активность. Деньги-то пройдут чёрным налом и их нигде не придется ни учитывать, ни отчитываться за них.

Поднявшись в каюту, я зашёл к старпому и рассказал о нашей беседе и о том, что завтра мне понадобятся кран и пара матросов для выгрузки.

– Не бойсь, – успокоил меня Олег. – Всё будет как в лучших домах Лондона и Парижа.

Посмеявшись его шутке, я вернулся в каюту, переоделся в робу и вновь пошёл в машину, чтобы пронаблюдать,

как идёт работа по сдаче льяльных вод и нефтяных отходов. С этими делами провозился до ужина и только когда вахтенный моторист напомнил мне, что пора бы сходить и поесть, я посмотрел на часы и был удивлен, как быстро прошёл этот рабочий день.

Глава шестая

День шестой. 29 декабря

Как там у французов? Дежавю, что ли? Сегодня произошло почти то же самое, что и вчера утром.

После завтрака я поднялся к себе в каюту, оставив дверь открытой, зашёл в спальню и только начал переодеваться в комбинезон, как услышал громкий стук в дверь и, как вчера, в каюте громогласно раздалось:

– Чиф! Ты здесь?

– Здесь, здесь, – громко ответил я на голос и, застегивая молнию на комбинезоне, вышел из спальни в кабинет.

На пороге каюты стояли двое здоровых мужиков в теплых куртках и рабочих комбинезонах.

– Дверь у тебя открыта, – громко продолжал мужик, что был повыше. – Можно мы войдем?

– Заходите, – разрешил я, осматривая ранних посетителей.

Приглядевшись получше, я понял, что второй посетитель не мужчина, а женщина, но одежда, рост и объём делали её очень похожей на своего спутника, только что без бороды и лицо не столь красное, но такое же обветренное и обожженное солнцем.

Я с любопытством разглядывал своих утренних гостей,

вежливо поинтересовавшись:

– Что бы вы хотели узнать, господа?

– Нам вчера позвонил твой агент, – начал мужик, – и сказал, что у тебя есть металлолом, который ты бы хотел сдать... – и вопросительно посмотрел на меня.

– Агент был прав, есть у меня металлолом, – спокойно подтвердил я.

– Он сказал, что ты хочешь получить за него наличку, – продолжил мужик.

– И тут агент прав, хочу, – подтвердил я. – Только я сначала хотел бы узнать, а сколько будет стоить одна тонна? – В этом месте я сделал паузу и с интересом посмотрел на металлоломщиков.

– Смотря какой он у тебя, – начал мужик и принялся объяснять свои слова: – Если разделанный, то одна цена, а если нет – то другая. Агент сказал, что у тебя крупногабаритный металл на сдачу. – И замолк, ожидая ответа на своё предложение.

Я тут же понял, что торговля началась. Мужик хочет подешевле забрать всё. Но тот, кто прошёл школу торговли в Китае, на такие уловки не поддастся и я приготовился торговаться.

Подойдя к одной из полок, где стояли папки с чертежами, и делая вид, что я что-то усиленно думаю и соображаю, я выбрал одну из них и разложил на столе. Найдя чертежи втулки и поршней, я развернул их и уже после этого, сделав

сосредоточенный вид, поднял глаза на мужика.

– Вот смотри, – и, взяв в руки карандаш, указал на чертёж. – Вот это втулка, а это поршень, а вот здесь написан их вес. Видишь?

Мужик склонился над чертежом и внимательно всмотрелся в него.

– Вижу, – подтвердил он.

– Конечно, эти детали не разделаны, а лежат там, на палубе. – Я махнул рукой в сторону двери. – И сколько тогда они будут стоить?

Мужик вопросительно оглянулся на женщину. Чувствовалось, что она в этом процессе является главной фигурой, но сейчас идет игра и она прячется за спину своего мужика. Кто он ей там – муж, работник, – меня не волновало. Но главным для меня сейчас являлось то, чтобы они назвали первоначальную цену. Женщина, достав калькулятор из своих бездонных штанин, потыкала в него пальцем, больше похожим на сардельку, и что-то буркнула по-фламандски, а мужик тут же озвучил цену в бельгийских франках.

Сделав вид, что размышляю над этим предложением, я тоже достал калькулятор и ожесточенно принялся тыкать в него пальцем. Задрав голову к подволоку и, якобы что-то соображая, я краем глаза наблюдал за застывшими лицами посетителей. Те внимательно следили за моими манипуляциями, а я, вновь опустив взгляд на калькулятор, опять что-то пересчитал и, с сомнением покачав головой, выдал своё

решение:

– А что так мало? – повернув голову в сторону молчащих металлоломщиков и изумленно подняв брови, я посмотрел на них.

– Нет, чиф, это нормальная цена, – тут же начал убеждать меня металлоломщик. – Никто тебе тут другой цены не даст...

– Ой, – перебив его, я махнул рукой, – только не говори мне, что это нормально. Во всём мире за тонну такого металла дают в долларах столько, – я показал калькулятор мужику, – а ты хочешь мне дать цену, которая даже меньше минимальной.

Хотя я понятия не имел о цене металлолома во всём мире, но мне требовалось сделать умный вид и настаивать на своём. Это возымело действие, женщина вновь что-то буркнула мужику и тот сразу поднял цену процентов на тридцать, при этом добавив:

– Пойдём тогда хоть посмотрим, что ты хочешь продать.

– Пошли, – легко согласился я. – Но и это мало, я бы хотел... – и я назвал цену на пятьдесят процентов больше от первоначальной.

От такой цены мужик потерял дар речи, но женщина опять что-то буркнула, а мужик перевел ее слова:

– Не-ет, это много, – чуть ли не прорычал он недовольным голосом, но потом, что-то решив, предложил: – Пошли посмотрим.

Мы вышли на палубу, благо старпом с вечера оставил дверь у моей каюты открытой, и прошли к бассейну.

Мужик спустился в бассейн, подергал втулку, постучал ботинком по поршням, поскрёб их ножом, который достал из недр бездонных штанин и, поднявшись на палубу, как будто что-то соображая, назвал цену процентов на десять выше той, которую он обозначил в последний раз.

Сжав губы и сосредоточенно сдвинув брови, я вновь обратился к калькулятору и показал то, что бы хотел получить, но от такой цифры мужик чуть ли не закричал:

– Чиф! Ты что? Смерти моей хочешь!

– Да ты что?! – ласково посмотрел я на него. – Живи сто лет, – и, хлопнув его по плечу, заглянул в глаза. – Да всё нормально, что ты так переживаешь? Хорошая цена.

Мужик повернулся к женщине, уже забыв о всякой конспирации и они отошли в сторону. Чего-то энергично обсудив, он вернулся ко мне и, взяв у меня из рук калькулятор, обозначил на нём свою цену.

Увидев написанное, я выпучил на него удивленные глаза:

– Да ты что? Невозможно! – но потом, сделав небольшую паузу, цыкнул языком и махнул рукой. – А давай! Пусть так и будет.

Обстановка моментально разрядилась, и металлоломщики радостно заулыбались, ведь последнее слово осталось за ними, а цена осталась той, которую хотели они.

Обнявшись с мужиком, мы прошли в каюту, где я позво-

нил старпому и напомнил ему о том, что он обещал выделить на выгрузку матросов.

– Нет проблем, – тут же ответил Олег, а в трубке я услышал, как он прокричал вахтенному: – Найди боцмана и пусть он идет к бассейну.

Потом хлопнула дверь каюты старпома и я услышал, как он вышел на палубу.

– Всё отлично! – обратился я к мужику. – Можешь подогнать свой грузовик к корме, матросы поставят на него запчасти.

Мужик полез в карман, вытащил пухлую пачку франков и отсчитал оговоренную сумму, а я, спрятав деньги в карман, пожал ему руку:

– Спасибо, друг, мы хорошо поработали.

Женщина вышла в коридор и, в ожидании напарника, вновь что-то громко прорычала, на что мужик, торопливо отпустив мою руку, пролепетал:

– Удачи, чиф, увидимся, – и заторопился к своей спутнице.

А я прошёл к бассейну и пронаблюдав, как пара матросов раскрепили втулку и поршни, а боцман перенёс их краном в грузовик металлоломщиков.

Тут же позвонив агенту, я напомнил ему, что он обещал заказать чистку льял и мойку помещения носового пожарного насоса, на которую компания не дала подтверждения.

– Не переживай, чиф, всё будет хорошо, – ободрил меня

агент. – Они скоро подъедут.

После кофе-тайма приехал новый фиттер. В ЦПУ позвонил вахтенный матрос и сказал, что тот уже пошёл к моей каюте.

Выйдя из лифта, я увидел высокого стройного парня, одетого в добротный пуховике и держащего в руке кроличью шапку.

Подойдя к нему, я поинтересовался:

– Кого ждём, молодой человек? – я с интересом осмотрел визитёра.

– Старшего механика жду, – слегка растягивая слова, ответил парень.

– На какой предмет? – я иронично задал вопрос, заранее зная ответ.

– Я новый фиттер. Только что приехал, – ни чуточку не смутившись, спокойно ответил парень.

– Ну, вот он я старший механик, – и, протянув ему руку, представился. – Борис Михалыч.

– Николай, – ответил парень, крепко пожав мне руку.

Заинтересовавшись его разговором, я поинтересовался:

– Откуда будешь, Коля?

– Из Луганска, – так же не спеша, немного на распев ответил он.

Услышав это, я понял, почему он растягивает звуки. Колян слегка заикался. Он немного растягивал гласные, таким

образом пытаюсь сгладить дефект речи, а так говорил вполне нормально, как я понял из его первых слов.

Это не то, что помполит на одном из моих бывших судов, который вообще пары слов связать не мог, чтобы не заикнуться. Поэтому он писал всё, что ему надо сказать на судовых, партийных и комсомольских собраниях, а потом слезно умолял меня зачитать его опусы. Кто ему с таким дефектом речи позволил работать помполитом – непонятно. Но он выучился и занимал эту должность на судах несколько лет, а после распада партии опять вернулся к штурманской работе, но, напоровшись на одного неуёмного капитана, с треском был изгнан из пароходства.

– Проходи, – предложил я Коляну, открыв дверь в каюту. Колян, подхватив чемодан, вошёл следом за мной и остановился посередине каюты. Поэтому я смог получше рассмотреть его. Открытое чистое лицо, голубые глаза и копна русых волос подчеркивали его открытость, а мощные кулаки говорили сами за себя. Парень работы не стеснялся.

– Давай свои бумаги сюда, – я показал Николаю на стол, – я их старпому отдам. – Но, увидев его удивленный взгляд, тут же пояснил: – Сейчас чиф у нас замещает капитана. А капитан приедет только после Нового года.

Особой разговорчивостью Коля не отличался, поэтому молча раскрыл сумку и, достав паспорт с судовой ролью, пе-

редал мне.

– И все сертификаты тоже давай сюда с корочками, – напомнил я ему. – Чиф тебя сразу по тревогам распишет.

– Понятно, – так же нараспев отреагировал на мои слова Николай, передавая мне стопку документов.

Проверив даты их годности, я вновь посмотрел на него:

– Всё в порядке, – от чего ни один мускул не дрогнул на лице Коляна, подчеркивая его сдержанность и хладнокровие, – а теперь садись в лифт, езжай до самого низа, там найдешь второго механика, кстати, его Евгением зовут, и он покажет тебе твою каюту. Устраивайся, обедай, а после обеда приходи в ЦПУ. – От поступивших новостей Колян даже бровью не повел. – Там на нас свалилась куча работ, которые надо обязательно сделать, пока начальство третьего числа не приехало. Всё, давай иди, – взглядом показав на дверь, – после обеда встретимся.

– Понятно, – распевно отреагировал на мою речь Николай и вышел из каюты, оставив на бумаге, застеленной на палубе, чёткий след от развернувшегося каблука.

После обеда, спустившись в ЦПУ, я отвёл нового фиттера с электромехаником в сварочную и приказал им проверить всё оборудование и навести порядок, добавив:

– Свет сделать, станки проверить, а весь металл, что тут валяется, убрать. Всё, что нужно, аккуратно сложить, а остальное вынести на свалку.

– Какую свалку? – не понял меня Колян.

– Видел напротив судна пакгаузы? – я внимательно посмотрел на него.

– Ну, видел, – растягивая слова, неторопливо проговорил Колян. – А чего это они разбомбленные стоят? – в свою очередь поинтересовался он.

– После праздников их вообще снесут, поэтому всё барахло тащи туда, – пояснил я ему.

– Лады, – подтвердил он, тут же задав очередной вопрос: – А на чём я всё это вывезу?

Пришлось удивиться и мне. Неужели он не заметил тележку перед сварочной?

– А это что? – подвел я Коляна к тележке и ткнул в неё пальцем. – Видел?

– А-а ... – безразлично протянул он. – Ну, теперь понял.

– Чего понял? – меня удивляли его спокойствие и безразличие, с которым он воспринимал мои слова.

– Да все я понял, Михалыч, – успокоил он меня, заметив мою нервозность, – не впервые дерьмо за кем-то разгребать.

– Ну, если понял, то действуй, – напутствовал я Коляна, а сам спустился в машину, чтобы посмотреть, как идет замывка деки.

Убедившись, что всё нормально и находится под контролем четвертого механика, я пошёл к Евгеничу, чтобы вместе с ним продолжить ремонт ящиков и досок для инструментов в сепараторной, где мы провозились до самого ужина.

Переодевшись и отмывшись от грязи и краски, я пошёл на ужин. Как готовил повар, мне нравилось всё больше и больше. Сегодня он на обед приготовил ребрышки в кисло-сладком соусе. Конечно, они отличались от тех, что готовили китайцы, но я с удовольствием обглодал мясо с косточек. На гарнир подали удивительно вкусный рис с овощами и пара салатов. Один рыбный, скорее всего из тунца, а второй – мясной, чем-то напоминающий салат «Оливье», но только без яйца и картофеля.

– А что, – обратился я к старпому, который, чуть ли не мурлыча от удовольствия, обглаживал ребрышки, – повар всегда так готовит?

– Бывает, что не всегда, – оторвался старпом от ребрышек, – но когда есть продукты и у него есть настроение, то всегда вкусно и сытно.

– Неужели так можно готовить на пять долларов? – Меня удивило разнообразие меню, ведь на эту сумму на некоторых судах приходилось есть чуть ли гольную кашу.

– Ты что? – в свою очередь удивился Олег. – У нас на питание идёт пятнадцать долларов. Сейчас, после Нового года, получим продукты, так на столы поставим и соки. Кстати, для тебя какой сок заказывать?

Пришлось ещё раз удивиться. Сок! Да ещё и заказывать! Такого в моей морской жизни ещё не случалось, но, чтобы не выглядеть в глазах Олега круглым дурачком, я подумал

и выдал:

– Вообще-то я предпочитаю яблочный сок, но лучше, если бы это был вишневый, но я соки всегда разбавляю газированной водой.

– Воду не обещаю, но сок будет, – пообещал старпом.

Мы поговорили с ним о судовых делах, я поделился первыми впечатлениями о судне и, закончив ужин, поднялся к себе в каюту, где и провозился до полуночи, перебирая различные инструкции и судовую документацию.

Глава седьмая

День седьмой. 30 декабря

Сегодня я чувствовал себя с утра намного лучше, чем в предыдущие дни.

Телефон уже так громко не трезвонил, а я от него не подпрыгивал, что лягушка на болоте, а поблагодарил вахтенного и принялся за утренний туалет.

Позавтракав, я захотел поговорить со старпомом о делах насущных и грядущих, но в кают-компании раздался телефонный звонок. Звонить мог только вахтенный или кто-то из штурманов, поэтому я не отреагировал на него, ожидая, что к аппарату подойдет мессбой.

Мессбой пулей подбежал к дребезжащему телефону и, выслушав собеседника, протянул старпому трубку.

– Сэр, вахтенный хочет тебе что-то сказать, – и остался стоять истуканом с протянутой рукой, в которой держал телефонную трубку.

Старпом, вытерев губы салфеткой, не спеша подошёл к телефону, взял трубку и, выслушав сумбурную речь на другом конце провода, посмотрел на меня.

– Михалыч, там какие-то молодые парни пришли к тебе... – в недоумении пожимая плечами.

– Кому там чего надо? – недовольно поморщившись, я

встал из-за стола и, несмотря на то что «алюска» осталась в каюте, вышел из кают-компании, надеясь, что это какая-то ошибка и от кратковременного пребывания на палубе я не замерзну.

Возле вахтенного стояло трое молодых парней по возрасту не более двадцати пяти лет, одетых в тёплые куртки и комбинезоны, вязанные шапочки, а на ногах у каждого из них «красовались» рабочие ботинки, под стать тем, что мне выделила компания.

«Как у них только ноги не отваливаются в этих говнодавах?» – невольно проскочила мысль, но я сразу же отбросил её, внимательно рассматривая ранних посетителей.

Увидев меня, парни прервали беседу с вахтенным, а самый здоровый из них пошёл навстречу мне с протянутой для приветствия рукой.

– Доброе утро, чиф, – важно обратился он ко мне. – Агент сказал, что тебе надо делать зачистные работы в помещениях.

– Правильно он вам сказал, – подтвердил я его слова и недовольно добавил: – А чего это вы только сегодня приехали? Ведь я агенту говорил, чтобы он прислал вас вчера. И вообще я подумал, что вы уже не приедете.

– Нет, чиф, мы только сейчас смогли собраться все вместе и взять машину с инструментом. Извини, чиф, что так получилось, – виновато улыбнулся парень.

– Ладно. – Я передернул плечами от холода и предло-

жил: – Пошли ко мне в каюту, там обо всём поговорим, – и, развернувшись, зашёл в надстройку.

Парни последовали за мной и на лифте мы поднялись ко мне в каюту.

Они возбужденно переговаривались между собой о чём-то по-фламандски, с любопытством озираясь по сторонам.

– Что? – спросил я старшего. – Раньше на судах быть не приходилось?

– Я был несколько раз, – ответил старший из парней, – а они, – он указал на своих спутников, – впервые.

– Как так? – вновь удивился я. – Вы собираетесь работать на судне – и не знаете, что это такое?

– Нет, – возразил старший, – про суда мы всё знаем и много раз на них работали, но вот на таком большом судне мы в первый раз.

– Ничего, – ободрил я его, – я сейчас позову механика и он вам всё покажет, а я расскажу, что надо делать, – и, подняв трубку телефона, набрал номер ЦПУ.

К телефону долго никто не подходил, но, зная размеры машинного отделения, я терпеливо ждал моториста, который, вероятно, обеспечивал работу мойщиков деки и находился внизу.

Вскоре он поднял трубку телефона и ответил:

– ЦПУ, вахтенный моторист готов слушать вас. – Я узнал по голосу моториста четвёртого механика Кермака.

– Старший механик говорит, – веско произнёс я в труб-

ку. – Кермак, скажи четвёртому механику, чтобы он пришёл ко мне в каюту.

– Есть, чиф! – бодро отрапортовал вахтенный.

Положив трубку телефона, я взглянул на успокоившихся парней.

– Знаете, какую работу вы будете делать? – я посмотрел по очереди на каждого из этих веселых балагуров.

– Агент нам рассказал об этом кое-что, – ответил старший, – но сказал, что ты нам всё покажешь и рассчитаешься с нами наличкой.

– Ну ты и быстрый, – усмехнулся я. – Ещё не знаешь, что надо делать, а уже про оплату говоришь.

– Да, чиф, – нисколько не смутившись от такого вопроса, ответил старший. – Мы должны знать, за что будем работать, ведь завтра ночью нам эти деньги понадобятся.

– Куда это они вам понадобятся? – невольно удивился я.

– Так завтра же конец света, вот мы и хотим его достойно отметить, – расхохотался парень, а его друзья от этих слов тоже рассмеялись.

– Ну, конец света маловероятно, что наступит, – усмехнулся я, – а вот без денег в новогоднюю ночь делать нечего – так это точно.

– Так и сколько ты нам заплатишь? – уже напористо продолжил старший.

– Ну, а чего ты хочешь? – с интересом посмотрел я на него.

Деньги у меня были только от сдачи металлолома и по-

этому я не представлял себе аппетиты этих ребят. Но ответ этого веселого парня рассмешил меня:

– О! Вообще-то я хочу ехать в открытом «Феррари» с длинноволосой блондинкой в красном шарфе, у которой на руках маленькая собачка, по извилистой дороге вдоль Адриатического моря и еще много чего... – при этом он весело рассмеялся.

– Отличное желание, – понял я его шутку, – но за сегодняшнюю работу вы столько не заработаете. Так сколько? – повторил я свой вопрос.

Посмотрев на своих подельников, старший смело обозначил мне сумму, которую они, вероятно, давно обсудили. Это оказалось немного больше того, что я имел, поэтому я сделал паузу и якобы изумился:

– А не много ли это? – и, увидев сомнение на лице старшего, понял, что я на правильном пути.

– А ты нам сколько можешь дать? – переспросил меня старший.

Почесав в затылке, потеряв подбородок и потыкав для солидности пальцем в калькулятор, я спокойно ответил, что могу дать им процентов на десять меньше, чем они хотят.

Услышав такую сумму, парни возбужденно принялись обсуждать моё предложение, но потом, что-то решив между собой, старший ответил:

– Хорошо, чиф, мы согласны.

По его виду я понял, что это именно эти деньги они хотел

получить за свою работу, а первоначальную сумму парень загнул так, для страховки.

— Отлично, — подтвердил я своё согласие и, увидев заглядывающего в каютную дверь четвёртого механика, подозвал его: — Дональд, эти парни будут чистить помещение аварийного пожарного насоса. Так что покажи им всё и расскажи, что надо делать.

— Есть, чиф! — принял приказ Дональд.

— Подождите меня на палубе, — продолжил я, — я сейчас переоденусь и мы пойдем туда вместе.

— Есть, чиф! — так же бодро ответил четвёртый и молодежь гурьбой, громко переговариваясь, покинула каюту.

Быстро переодевшись в новый комбинезон, в некоторых местах перепачканный мазутой и, накинув куртку, я вышел на палубу.

Путь до входа в помещение пожарного насоса предстоял неблизкий. По палубе метров сто пятьдесят в сторону бака, а потом ещё спуститься по крутым трапам метров на двадцать вниз.

Я сам в этом помещении ещё не залезал, а только заглядывал в него с Евгеничем и только знал, где включаются свет и вентиляторы, да подается сжатый воздух. Поэтому, когда во главе всей церемонии я стал спускаться вниз к пожарному насосу, понял, что, если бы я чистил это помещение, то запросил бы за такую работу сумму как минимум в три раза

больше.

В шахте электрические грелки, наверное, никогда не включались и сейчас они стояли отключёнными. Так что температура в ней не превышала пяти градусов. На переборках шахты отставшая краска висела «лопухами». Внизу у самого насоса переборки, когда-то выкрашенные белой краской, заляпаны мазутными руками, а трапы перепачканы непонятно какой субстанцией толщиной миллиметра в три. Нижние плиты от въевшейся мазуты оказались абсолютно чёрного цвета, а когда четвёртый их открыл, чтобы показать льяла, то я вообще потерял дар речи. Они оказались на три четверти заполненными водой, покрытой толстой пленкой топлива. Но зато во всей шахте везде горели фонари и было светло. От этого хоть стало легче.

Посмотрев на сдувшиеся физиономии парней, я боялся лишь одного: чтобы от вида всех этих «прелестей» они не развернулись и не послали меня далеко-далеко. По-русски я знал куда, а вот на фламандском – сомневался.

Но парни, осмотревшись, о чём-то по-деловому посоветовались и старший из них вновь обратился ко мне:

– Хорошо, чиф. Мы всё здесь отмоем, только ты обеспечь нас сжатым воздухом и пресной водой под давлением, а ещё здесь нужно много химикатов. Сможешь их нам дать? А то мы с собой их мало взяли, – уже с просьбой посмотрел он на меня.

У меня от его слов словно гора с плеч упала. Не ожидал я, что парни так легко согласятся с такой работой, да за такие деньги, но бодро ответил:

– Конечно! Всё у вас будет. Вот четвёртый механик, – я показал на Дональда, который открывал плиты, чтобы обеспечить свободный допуск для спуска в деку, – его зовут Дональд. Он вас всем обеспечит. Хорошо, Дональд? – это я уже обратился к четвёртому.

– Есть, чиф! – так же однозначно и четкоотреагировал тот на мои слова. У меня начало создаваться впечатление, что он, кроме этих слов, ничего больше не знает, хотя... С Евгением он иной раз что-то обсуждал и доказывал тому.

– Ну, тогда пошли, – показал я на выход из шахты. – Несите свой инструмент, настраивайте шланги, да готовьтесь работать, – и первым начал карабкаться вверх по крутым трапам.

Выйдя на палубу, я с трудом перевел дыхание и, почувствовав в груди резкий толчок сердца, остановился.

Парни с четвёртым, не заметив моей остановки, бодро шли к надстройке. Перегнувшись через борт, я рассмотрел внизу на причале, небольшой грузовичок с цистерной кубов на пять с прицепом, на котором кучей лежали шланги и ещё какое-то оборудование. По всей видимости, это грузовичок принадлежал парням, на который они собираются откатывать результаты замывки.

Вернувшись в надстройку, я спустился в машину и проверил, как продвигается замывка деки. За работой наблюдал Кермак. Увидев меня, он приветливо махнул рукой и юркнул в деку, изобразив бурную деятельность.

Я тоже осмотрел результаты замывки, заглядывая в деку и подсвечивая себе фонарём. Вроде бы всё шло по плану.

Убедившись, что в машине мне делать нечего я, поднявшись в каюту, нашёл таблетки, которые прихватил с собой из дома и выпил парочку, а затем прилег на диванчик, чтобы уgomонить отчего-то часто колотящееся сердце.

Наверное, я ненадолго заснул, потому что трезвон телефона заставил меня вздрогнуть. Хорошо, что он находился рядом с диваном на столе. Я только присел и, подняв трубку, сразу услышал возбужденный голос четвёртого механика:

– Чиф, главный мойщик хочет тебя посмотреть.

– Зачем я ему нужен? – удивился я, ведь до окончания замывки ещё далеко.

– Они закончили работу и говорят, что уже везде всё чисто, – неуверенно продолжил Дональд.

– Хорошо, я сейчас спущусь, – пообещал я ему и, надев рабочие ботинки, пошёл к лифту.

В ЦПУ меня ждали четвёртый механик и главный мойщик, который, увидев меня, подскочил со скамьи и с готовностью кинулся ко мне.

– Чиф, у нас всё готово, ты в этом сам можешь убедиться. – Лицо его смотрелось настолько же правдивым, как и фата невесты, закрывающая невзрачное лицо оной.

– Хорошо, – махнул я ему рукой, – пошли посмотрим, что вы там намыли, – и, взяв один из заряженных фонарей, вышел из ЦПУ.

Четвёртый механик и мойщик последовали за мной.

На вахте находился уже Хасан, стоявший у одной из открытых плит, ведущих в деку.

«Значит, уже первый час, – отметил я для себя, спускаясь вниз. – Обед я пропустил».

Спустившись в деку, я принялся за осмотр. Вроде бы всё в норме, все видимые места замыты химией и, даже проведя по поверхности деки рукой, я её не испачкал. Но, подойдя к носовой переборке, увидел, что под топливными насосами на трубопроводах не смытое топливо, у льяльного сепаратора застряла грязь в сплетении трубопроводов, ну и ещё несколько мест, которые требовалось перемыть. Это всё я показывал главному мойщику, неотступно следующему за мной, а поднявшись из деки, приказал четвёртому:

– Всё, что я показал ему, – я указал на мойщика, – замыть. Решетки на льяльных колодцах поставить на место. После того как всё будет готово, проверь лично и приходи с ним ко мне в каюту. Я подпишу бумаги. Понятно? – для уверенности спросил я четвёртого.

– Есть, чиф! – с готовностью кивнул Дональд.

Конечно, состояние его я понимал. Человек без сна уже больше суток, постоянно носится с работягами и всё время что-то делает. Я видел, что он очень устал. С таким объемом работ – я это знал по себе – просто так не посидишь, не побездельничаешь. Всё время приходится находиться в движении. Ну а куда деваться? Работу надо выполнить. Поэтому отдохнуть он сможет только тогда, когда всё сделает. Хорошо, что четвёртый это сам понимал, поэтому и старался изо всех сил. Ведь чем больше сейчас сделают работяги, тем меньше потом ему самому придётся заниматься этим и тогда уже он сможет и отоспаться, и отдохнуть.

– Я надеюсь на тебя, Дональд, – похлопал я его по плечу. – Надо здесь всё заканчивать, – указал я на деку. – У нас ещё там есть работа, – махнул я рукой в сторону бака.

На мои слова четвёртый только невесело улыбнулся и вернулся к работягам, а я пошёл в помещение аварийного пожарного насоса.

Дверь в помещение оказалась открытой, а когда я засунул туда голову, то вдохнул резкий запах моющей жидкости. В помещении было настолько влажно, что даже на переборках сконцентрировалась влага.

Я хлопнул себя по лбу: «Вот балбес! Ведь я забыл включить вдувной и вытяжной вентиляторы в помещении. А парни там работают и ещё неизвестно чем они там надышались».

Я тут же включил вентиляторы и, подождав минут пять, пока запах химии уменьшится, спустился к парням. Но они были так заняты работой, что, наверное, не ощущали этого едкого запаха химикатов. Они были одеты в желтые прорезиненные комбинезоны и на лицах у них были герметичные очки и респираторы.

Один из них шлангом от моющей машинки высокого давления сдувал мощной струей грязь с переборок, другой собирал её, а третий сидел в льялах, весь перемазанный в мазуте и направлял патрубок переносного насоса для откачки грязи и моющей жидкости.

Из-за шума они не сразу заметили моё появление, но когда старший увидел меня, то выключил струю воды и только махнул рукой:

– Привет, чиф! Ты только вниз пока не ходи, а то весь будешь как Эрих. – Он показал мне на своего перемазанного друга.

– Не забудьте хорошо промыть деку, – громко прокричал я и не стал больше спускаться, так как старший вновь включил струю и продолжил замывку.

Наверное, из-за шума струи они не заметили, что я включил вентиляторы, но пар от брызг в помещении уменьшился и мне самому дышать стало намного легче.

Убедившись, что работа и здесь продвигается, я вернулся в каюту.

Когда шёл по палубе, то мне невольно подумалось: «Да,

чтобы идти работать на бак, надо всё брать с собой, а то, не дай бог, забудешь что-нибудь, так потом станешь чемпионом мира по бегу. Или лучше велик иметь. Смотри, какая палуба широкая – настоящий велодром». Но это уже шутил, пытаюсь себя подбодрить.

Зайдя в буфет кают-компаний, в холодильнике я нашёл колбасу, сыр и, намазав себе бутерброд, налил горячего чая из поттера.

На судне стояла относительная тишина, в которой едва прослушивался размеренный гул работающего генератора и шипение теплого воздуха через жалюзи воздуховодов.

Вернувшись в каюту, я сел за стол в надежде хоть немного передохнуть, а благими намерениями выстлана дорога... мы все знаем куда, но затрезвонивший телефон потребовал идти по совсем другой дороге – в машину.

В машине всё оставалось, как всегда. Яркие флуоресцентные лампы освещали механизмы. Из-за открытых с палубы дверей в машине температура значительно понизилась несмотря на то, что главный двигатель находился на обогреве.

В самом низу машинного отделения почти не слышался звук работающего дизель-генератора и при разговоре не приходилось напрягать голос. Я только спросил четвёртого, ожидающего меня внизу:

– Ну как? Устранили замечания?

– Да, чиф, только сейчас закончили, – устало кивнул он головой. Прежней бравады в его голосе уже не слышалось.

– Хорошо, – согласился я с ним. – А как дела со sludge-танком? – вновь поинтересовался я, подходя к открытым плитам над горловиной танка.

На дне танка поблескивала черным цветом застывшая масса топлива.

– Осталось только сорок сантиметров, чиф, но они этот остаток не могут откатать. Он застыл, – разочарованно развел руками четвертый.

– А чего так? – удивился я.

– Паровой обогрев в танке заглушен.

Я с непониманием посмотрел на него.

– Когда он был заглушен – я не знаю, – извинялся четвёртый, как будто это он сделал и не доложил мне.

– Запиши себе, – указал я ему. – Мы внесем это в ремонтную ведомость, – и спросил: – А какая высота танка?

– Два двадцать, – тут же ответил четвертый и добавил: – А осталось только сорок сантиметров.

– Нормально, – успокоил я его, – порт-контролю этого будет достаточно. Считай, ещё одно замечание устранили. – Это я добавил уже веселее, отчего Дональд только вымученно улыбнулся.

Услышав, что качество работ меня удовлетворило, старший из мойщиков тут же заторопился:

– Пойдём, чиф, подпишешь все бумаги, да мы поедем, – а потом уже пошутил: – А то мы тут у вас останемся жить и ты возьмешь нас в море.

– Нет, в море я вас не возьму, а вот бумаги с удовольствием подпишу. – И принял у него тоненькую папку.

Ну а тут, как и на всех наших заводах, в бумагах красовалась одна туфта. Площадь машины завышена процентов на десять, и танк, в котором застыло топливо, обозначен, как зачищенный якобы вручную.

– А это что? – я ткнул пальцем в приписки и иронично поглядел на старшего.

– Ну... чиф... – Он в беспомощности развел руками. – Но мы же и ночью работали...

– А вот ваш овертайм, – показал я на один из листков. Хотя он и был написан по-голландски, но в цифрах же я пока ещё разбирался.

– Ну, чиф... – старший уже жалобно смотрел на меня. – Новый год же приближается...

Желания спорить с ним у меня полностью отсутствовало и я, махнув рукой, направился к лифту.

– Пошли, – позвал я за собой старшего, – в каюте подпишу тебе бумаги. Печать у меня там, – пояснил я ему, увидев его удивленный взгляд.

Но тут меня остановил Дональд:

– Чиф, а что дальше делать?

Он смотрел на меня широко открытыми глазами. Чув-

ставалось, что в них надо вставлять спички, а то они сейчас сами собой закроются.

– Во-первых, выпей кофе и иди наблюдай, как там парни на баке работают. По вахте скажешь, чтобы в машине закрыли горловины в танке и крепили снятые плиты как минимум на три шурупа. Понял?

– Есть, чиф, пить кофе и передать твоё приказание по вахте, – уже более оживленно ответил Дональд.

Со старшим мы поднялись в каюту, я расписался и поставил печать в бумаги, а потом достал из холодильника связку пива из четырех банок и вручил ему:

– Ну а это, – я указал на пиво, – мои поздравления с Новым годом.

Лицо старшего при виде подарка засветилось счастьем, что так завершилась его работа на этом судне, а я его вернул на землю, спросив:

– Когда вы уберёте шланги? А то в надстройке прохладно. Надо двери закрыть.

– Сейчас и уберём, мои парни уже этим занимаются.

– Отлично! – и тут же позвонил на трап: – Говорит старший механик, – представился я вахтенному матросу. – Как только уберут шланги, сразу закрой дверь в надстройку и держи её постоянно закрытой. Понятно?

– Есть, чиф! – получив четкий ответ, я повесил трубку.

Ну, теперь можно вновь заняться документацией.

С разбором бумаг, инструкций и чертежей время летело незаметно. Меня оторвал от занятий телефонный звонок. Это звонил Руперт и приглашал на ужин.

– Чиф, – как всегда вежливо, говорил он в трубку, – а ваш обед разогревать или вы будете кушать только ужин?

Его предложение меня удивило. Обычно, кто не успел – тот опоздал. Обед или оставался на тарелке, и ты его должен сам разогревать, или приходилось идти на камбуз, чтобы его самому положить в тарелку. А тут такая забота...

Вернувшись в каюту после ужина, я вновь уселся за документацию, но телефонный звонок опять оторвал меня от дел.

– Чиф, это Дональд, – звонил четвёртый, – эти парни на баке закончили работу и хотят, чтобы ты посмотрел.

Взглянув на часы, я, к своему удивлению, обнаружил, что уже шёл одиннадцатый час.

– Ладно. – Я оторвался от бумаг, переоделся и пошёл на бак.

«Сам хотел поработать да покомандовать – вот иди и командуй», – ехидно пробила мозг залётная мысль.

Огни прожекторов с надстройки хорошо освещали широкую палубу, а подсветка под комингсами трюмов давала достаточно освещения, чтобы куда-нибудь не завалиться или не споткнуться. Хотя чего тут спотыкаться? Дорога до бака только одна, и на ней отсутствовали какие-либо препятствия, о которые можно зацепиться ногами, вот только ин-

туитивно приходилось пригибать голову, когда я проходил под направляющими полозьями трюмных крышек. Хотя зацепить их головой я не мог. Высоту они имели более двух метров, а для безопасности я надел каску.

Несмотря на ночь, палуба хорошо освещалась, но я подсвечивал себе путь фонариком, который недавно приобрёл в Гонконге. Его луч бил метров на пятьдесят вперед и я шёл, подсвечивая себе то справа, то слева.

На палубе чувствовалась ночная свежесть. Приличный ветерок, временами вырывающийся из-за комингсов трюмов, даже заставлял кутаться в «аляску», поэтому, дойдя до бака, я даже продрог.

У входа в шахту пожарного насоса меня ждали парни-мойщики и четвёртый механик. Они уже не смеялись и не балагурили, а молча сидели, одетые в перемазанные мазутой ярко-желтые водонепроницаемые куртки и штаны и курили.

При виде меня старший поднялся и устало спросил:

– Проверять работу будешь, чиф?

– Да, – к общему сожалению парней, решил я. – Посмотрю, что вы там намыли, – и, преступив высокий комингс двери в помещение, начал спускаться вниз.

Конечно, и шахта, и само помещение после мойки преобразились. Везде всё чуть ли не блистало чистотой. Льяла высушены и дека отмыта до блеска. На ней даже стали видны

следы старой шаровой краски, которой когда-то её покрасили. Даже не верилось, что такое загаженное помещение приведено в порядок. Да ещё с таким качеством.

Правда, со всех щелей капала вода и переборки оставались влажными, но это ничего, потому что если включить грелки и оставить работающими вентиляторы, то суток через двое здесь станет сухо.

– Всё нормально, парни, – осмотрев помещение, сообщил я старшему и добавил: – Не забудьте забрать мусор и пустые канистры.

– Всё будет сделано, чиф, – с облегчением проговорил старший, – ты не волнуйся. Наведём мы здесь порядок.

– Когда закончите, то скажите об этом Дональду, – указал я на четвёртого механика, – он закроет помещение на ключ и заходи ко мне, я рассчитаюсь с тобой. – Я хлопнул старшего по плечу и улыбнулся.

– Всё понял, – уже бодрее ответил тот и что-то прокричал своим друзьям.

Через пару минут парни спустились вниз и принялись вытаскивать шланги, насосы, мусор и всё остальное, что создавало в помещении беспорядок.

Четвёртому я только сказал:

– Плиты и решетки в льялах закрепíš после Нового года, но, чтобы они к третьему числу стояли на местах. Сюда придёт порт-контроль с проверкой.

– Всё ясно, чиф. – Четвёртый довольно расплылся в улыб-

ке от того, что я дал ему время отдохнуть и не требовал немедленного исполнения приказаний.

Поднявшись на палубу вместе с четвёртым, мы нашли на распределительных щитках пакетники грелок и включили их.

– Проверь, все ли грелки в работе, – приказал я четвёртому, после включения пакетников. – Если какая-нибудь из них не греет, то завтра скажи об этом электромеханику. Сегодня ничего уже делать не надо.

– Есть, чиф! – бодро подтвердил четвёртый и пошёл проверять грелки, а я вернулся в надстройку.

Спать хотелось страшно, ноги еле-еле передвигались. Переодеться в чистое сил уже не оставалось, их хватило только лишь на то, чтобы отмыть руки и ополоснуть лицо.

Едва я закончил со своим туалетом, как раздался громкий голос старшего из мойщиков:

– Чиф, можно войти?

– Заходи, заходи, – разрешил я ему, выходя из спальни. – Как самочувствие после работы? – поинтересовался я у парня.

Несмотря на усталость, тот пошутил:

– Нормально, но на блондинку в красном шарфе сил уже не хватает.

Мы рассмеялись этой шутке и я, дружески хлопнув его по плечу, согласился с ним:

– Да, сил потратили вы много, но и работу выполнили отлично, – и, достав все деньги, что у меня оставались от сдачи металлолома, передал их ему, добавив: – Жизнь большая, найдёшь ты ещё свою блондинку.

– Не волнуйся за меня, чиф! – рассмеялся на эти слова парень. – Есть у меня такая блондинка на примете, вот сегодня вечером я и расслаблюсь с ней, – и принялся пересчитывать деньги, а потом в недоумении поднял на меня глаза: – А чего столько?

– Бонус вам на Новый год за отличную работу, – разъяснил я ему и, пожав на прощанье руку этому неунывающему высокому статному блондину, проводил его из каюты, а сам попытался заснуть тут же на диванчике, накрывшись «аляской».

Но этого не произошло! Куда делся тот сон, который только что валил меня с ног? Спать вроде бы и хотелось, и время уже далеко за полночь, и глаза закрыты, но сон пропал. В мозгу всё крутились события сегодняшнего дня, тело было напряжено, и я никак не мог расслабиться. Только перед самым звонком вахтенного моториста, который поднимал меня по утрам, я вроде бы задремал.

Глава восьмая

День восьмой. 31 декабря

Утро. Звонок вахтенного заставил меня чуть ли не подпрыгнуть на диване. Вокруг темно, только ночник из спальни едва освещает каюту. Это я специально оставил его включенным там по многолетней привычке подсакивать ночью по любому звонку. Ведь в темноте, со сна, подскочив на кровати, можно и ноги переломать, а тут – всегда свет, который помогает сориентироваться, и ты уже знаешь, куда бежать и что делать.

Видно, перед самым рассветом я все-таки провалился в глубокий сон, потому что спать хотелось по-страшному. Но, преодолев страстное желание послать всё к черту, я поднял трубку:

– Алё... – едва выдавил я из себя хриплым голосом, таким, будто я миль сто прополз по пустыне Сахара.

– Доброе утро, чиф, – послышался бодрый голос вахтенного моториста, – семь часов.

– Спасибо, Марк, – уже отчетливее ответив, я повесил трубку.

Вставать не хотелось. Я так пригрелся на этом мягком диванчике, продавленном телами не одного десятка стармехов, что вылезать из него не имел никакого желания. Но, преодо-

лев минутную слабость, заставил себя скинуть теплую куртку, в которую обернулся во сне, как в кокон, и сел.

С трудом приоткрыв глаза и протерев их кулаками, усилием воли заставил себя встать и пойти в спальню, где снял уже порядком провонявший подом комбинезон и прошёл в ванную комнату.

Пароход был огромный, поэтому конструкторы не поскупились на удобства для стармеха. В ванной комнате находились и туалет, и умывальник, и что самое удивительное – в ней располагалась двухметровая ванна, которая имела три крана, один из которых – с забортной водой. То есть какой-то проектировщик побеспокоился даже о том, чтобы «замученный» работой стармех, устав от трудов праведных в тропиках, мог лежать и расслабляться в этой красоте, а не переться чёрт знает куда, в какой-то там бассейн, который, кстати, находился на этой же самой палубе, метрах в двадцати пяти от каюты.

Ну, ванну мне принимать сегодня не надо, а вот в душе я ополоснулся с удовольствием. Побрился и, растеревшись докрасна свежим белоснежным полотенцем, вернулся в спальню.

Одежду я развесил на вешалках в шкафу, как только заселился в каюту, поэтому, выбрав серые брюки с рубашкой, оделся, посмотрел на себя в зеркало и спустился в кают-компанию. Сегодня, в преддверии Нового года, надо выглядеть прилично.

В кают-компании уже завтракали штурманá, сидевшие за своим, штурманским столом, второй и третий механики с электромехаником, «механическим» столом, а для капитана, меня и старпома сбоку, у широкого окна, располагался отдельный стол.

Пожелав всем доброго утра и приятного аппетита, я устроился на своём месте рядом со старпомом.

Подбежавший Руперт поставил на стол небольшой чайник с кипятком, тарелочку с только что обжаренными тостами и поинтересовался:

– Чиф, вы будете пить чай или кофе?

– Чай, – соблаговолил ответить стармех, которого потревожили следующим ненавязчивым вопросом:

– Чиф, а что бы Вы предпочли? Яичницу или омлет с беконом?

– Омлет, – удовлетворил любопытство мессбоя стармех и принялся намазывать на горячий тост жидкий сыр.

Не успел он завершить этот процесс, как перед ним уже стояла тарелка со шкворчащей яичницей и обжаренным беконом.

Налив себе кипятку и размешав в нём пакетик чёрного чая с кардамоном, стармех отодвинулся от стола, осмотрел присутствующих и, приподняв белую фарфоровую чашку, пожелал всем:

– С наступающим Новым годом, господа!

– Тебя так же, дед, – опустил меня с небес Олег. – Как вчера закончилась работа? Я что-то не дождался её окончания и вырубился.

– А что было ждать? Ложился бы и спал. Печать у меня есть, так тебе и беспокоиться не надо, лишнего я не подпишу. Свою задачу я знаю. И все мы знаем, что третьего придёт вся эта блóтня и начнёт нам пудрить мóзги. А пока есть время, надо всё сделать в лучшем виде, – и, чтобы развеять сомнения Олега, добавил: – После нуля закончили работу.

– Вахтенный мне об этом доложил, – отреагировал на эту информацию Олег и, посмотрев в мою сторону, усмехнулся: – А может, ты, дед, зря так стараешься?

– Почему это зря? – не понял я старпома. Мне даже стало как-то обидно за такое отношение к моей работе и приложенным мной стараниям.

– А потому и зря, – ещё шире улыбнулся Олег. – Конец света в полночь наступит. – И он весело осмотрел присутствующих.

– По какому это такому времени он наступит? – шутливо переспросил его Евгенич.

– Я думаю, что по Гринвичу, – так же шутливо продолжил старпом.

– А вот и нет, – перебил его я и уверенно закончил: – Он должен наступить в полночь по мексиканскому времени. Но не наступит.

– Почему это не наступит? – так же делано удивился стар-

пом. – Во всем мире наступит, а у нас не наступит. Ты что, телевизор не смотришь или газет не читаешь? – Олег иронично смотрел на меня.

– Вот-вот, – подняв указательный палец, посмотрел я в сторону старпома, – об этом как раз меня и спрашивал мой внук, когда я уезжал из Владика.

– И что же ты ему ответил? – Это уже заинтересовался Евгений.

– А то и ответил, – уже по-английски продолжил я, чтобы всем стало понятно моё объяснение, – что рассказал ему правду.

– Какая же это может быть ещё правда, которую мы не знаем? – всё не унимался Евгений.

– А вы что, не знаете? – я с хитрецей осмотрел окружающих меня механиков и штурманов, и даже Руперта, выглянувшего из буфетной при моих словах, и загадочно продолжил: – В Мексике две тысячи лет назад жил очень способный каменотес. Всё бы у него было хорошо, но он очень любил выпить. Жрецы же, хоть и знали об этой его страсти, провели с ним воспитательную беседу, а когда он понял всю важность момента, то поручили ему вытесать из камня вечный календарь. – Я оглядел заинтересовавшихся слушателей и продолжил: – Каменотес принялся за работу и начал делать этот календарь. Но работа была такой тяжелой, что однажды он не выдержал трудностей и напился их местной водки, чтобы расслабиться, а на следующий день не вышел на работу,

потому что у него сильно болела голова. Жрецы из-за этого на него разозлились, поняв, что никакие меры общественно-го воздействия на этого каменотеса не подействовали, и отрубили ему голову за нарушение трудовой дисциплины. Так что календарь было доделывать некому. И поэтому записи на этом календаре прекратились на дате 31 декабря 1999 года. – Я иронично осмотрел внимательно слушающих меня окружающих.

Не ожидавшие такого окончания рассказа, все дружно расхохотались.

Дождавшись, когда смех прекратится, я объяснил:

– Не верите? – я осмотрел улыбающихся штурманов и механиков. – Вот и внук мне тоже не поверил и только сказал, что дедушка всегда шутит, поэтому ему верить не стоит.

– Да, Михалыч, – вытирая слезы и всё ещё смеясь, выдавил из себя старпом, – а я уже повелся на твою байку. Ну, думаю, вот как дед знает историю.

Ну а я тем временем покончил с омлетом и посмотрел на Евгенича:

– Евгенич, что-то я сегодня никакой после этой ночи, – скорчив жалостную гримасу на лице, посмотрел я на второго механика. – Пойду-ка посплю часиков до двух. А ты меня подними и мы домой тогда позвоним. Там как раз наши начнут встречать Новый год. Настроишь нам телефон, Олег? – это я уже обращался к старпому.

– Конечно, Михалыч, – все ещё смеясь, ответил он на мою

просьбу. – Конца света же не будет, поэтому и телефон работать будет.

– Подниму, Михалыч, – понял моё состояние второй механик, – иди спи. Я тебе позвоню, – пообещал он, а я, с трудом поднявшись со стула, побрёл в каюту.

После завтрака, сытно поев и расслабившись в тепле кают-компаний, я почувствовал такую усталость, что, едва раздевшись и прикоснувшись к подушке, моментально провалился в глубокий сон.

Ровно в четырнадцать мне позвонил Евгений.

– Михалыч, вставай, Новый год приближается, – как всегда неторопливо, пробубнил он в трубку.

– Спасибо, Евгений, – бодро отреагировал я на его звонок. – Сейчас ополоснусь, и пойдём к чифу.

– А он уже ждёт нас на мостике, – успокоил меня Евгений, – так что особенно не торопись.

– Добро, – согласился я с ним и прошёл в ванную комнату умыться.

Быстро сполоснув лицо и почистив зубы, оделся и вышел из каюты.

Увидев, что дверь в каюте второго механика открыта, я громко крикнул:

– Евгений! Пошли!

Из каюты тут же вышел второй и мы вместе с ним поднялись на мостик.

Это сейчас, на современных судах, все компьютеры и прочие передающие устройства размещены в небольшой нише на ходовом мостике, только отгороженной от него плотной шторкой. А «Фредерике» был не такой. Всё оборудование размещалось в радиорубке, расположенной перед входом на мостик.

Дверь в радиорубку оказалась открытой и я увидел старпома, который в ожидании нас сидел и курил.

Войдя в радиорубку, я огляделся.

Да... Как всё здесь выглядело знакомым. В рубке даже остались старые передатчики, которые я встречал ещё тогда, когда начинал работать на флоте, но тут стояли и мониторы новых компьютеров и станция «Инмарсат», через которую нам сейчас предстояло звонить домой. Конечно, это дорого – звонить через «Инмарсат». Минута разговора иной раз доходила до восьми долларов. Но когда очень хочется услышать голоса родных и близких, когда хочется узнать о том, что происходит с ними и передать пару слов о себе, то деньги тут уже роли не играют.

Увидев нас, старпом затушил сигарету и поторопил:

– Ну и где вы там шляетесь? У вас во Владике сейчас Новый год наступит, а вы не торопитесь.

– Ещё есть время, – успокоил я его, поглядывая на часы. – А вот то, что они проводили старый год, – так это точно.

– Хорошо, – согласился Олег. – Я тут написал, в каком порядке вводить цифры и номера телефонов, так что разбе-

рётесь. – И засобирався выходить.

– Подожди, – остановил я его. – Для начала давай сделаем пробный звонок и Евгенич первый позвонит домой. Я посмотрю, как это всё набирается, а потом уже и сам смогу это сделать. – и посмотрел на Олега, как он отреагирует на моё предложение. – Добро?

– Ладно, смотрите. – И Олег начал набирать номер домашнего телефона Евгенича.

С первого раза ничего не получилось, но с третьего раза номер набрался, и когда в трубке слышались длинные гудки и женский голос, ответил:

– Алё... – мы с Олегом вышли из рубки, чтобы не мешать Евгеничу общаться с семьей.

Зашли на мостик, подошли к лобовым иллюминаторам и тупо уставились на пустую палубу и мелкий противный дождь, морозящий с самого утра.

– А у нас бы шёл снег, – мечтательно вымолвил Олег. – Уже который год не встречаю Новый год дома, – печально продолжил он. – Но ничего, через пару недель приедет замена – и уж тогда я оторвусь!

– А я прошлый Новый год встречал дома, – невольно вспомнилось мне. – Снег выпал пару дней назад, было холодно, но мы всё равно пошли пускать ракеты на улице. У меня ещё была пара фальшфейеров, я их зажег, а пацаны с воплями с ними носились, пока они не затухли. Замерзли все, но потом очень даже существенно согрелись, – с намеком

посмотрел я на Олега.

– Да и мы сейчас согреемся, – намекнул старпом. – Взял я перед приходом кое-что из бондовой. Так что Дед Мороз нас не заморозит. – Он весело рассмеялся.

– Ну ты даёшь! – восхитился я предусмотрительностью Олега. – Я ни за что бы не дотумкал про это.

– А я как чувял, что мы тут застрянем, – пояснил Олег, – потому и заглянул наперед.

Но тут на мостик вышел Евгенич с отрешенным видом. Он как будто продолжал говорить по телефону и слышал тот ласковый и нежный голос, такой дорогой ему дорог и всё ещё звучащий в нём, но на самом деле оставшийся далеко-далеко от этого дождливого и промозглого Антверпена. С этим ему волей-неволей приходилось мириться, поэтому взгляд Евгенича начинал принимать осмысленный вид.

– Ну что? – поинтересовался Олег. – Поговорил?

– Ага, – кивнул головой Евгенич и присоединился к нам, также уставившись в иллюминатор.

– Ладно, – встрепнулся Олег, – пойдем посмотрим, что ты там наговорил, да тебе, Михалыч, номер наберём.

У Евгенича получилось восемь минут. Олег переписал данные разговора в специальный журнал и предложил мне:

– Ну что? Сам наберёшь?

– Попробую.

Я сел на стул и взял в руки ещё теплую от рук Евгенича телефонную трубку.

Номер набрался сразу, но каждый гудок длился бесконечно долго. Но вот гудки прекратились и из трубки раздался до боли знакомый голос:

– Алё...

Голос ещё не знал, кто находится на другом конце провода, поэтому звучал тихо и осторожно, но мне-то он был хорошо знаком, ведь я мог отличить его от всех голосов мира только по одной-единственной ноте, только по одному дыханию, которое раздавалось из телефонной трубки.

Услышал его и, чуть ли не задохнувшись от радости и волнения, я хрипло произнес:

– Привет, моя родная... Это я.

Тишина, зависшая на секунду в трубке, сразу взорвалась радостным возгласом:

– Солнышко моё, радость моя, ты где?!

– В Антверпене, с судна звоню, – постарался объяснить я и тут же, чтобы не тратить время зря, выпалил заранее приготовленную фразу: – С наступающим тебя Новым годом, любовь моя. Я тебя и всех наших люблю и крепко целую.

В трубке слышались громкая музыка и возбужденные голоса гостей, которые, по всей видимости, сидели за столом и уже проводили старый год. Поэтому Ниночка, оторвавшись от трубки, чуть ли не прокричала:

– Сделайте музыку тише, папа звонит, а то мне его почти не слышно.

Через пару секунд гром музыки пропал и уже отчетливый

голос Ниночки продолжил разговор:

– И тебя, мой родной, все мы поздравляем с Новым годом. Пусть у тебя будет всё хорошо, и ты бы быстрее вернулся домой. Мы тебя все любим и хотим видеть.

Тут же в трубку послышались громкие выкрики:

– С Новым годом, папочка! – кричали дети.

– С Новым годом, Борис Михалыч, – это уже были голоса зятя и его друзей.

– С Новым годом, дядя Боря! – кричали подружки дочери.

И тоненькими, но самыми сладкими голосами слышались пожелания внуков:

– С Новым годом, дедушка! – кричали и вопили эти мои самые дорогие и близкие для меня люди.

Как же мне сделалось хорошо от этих идущих от всего сердца пожеланий собравшихся за столом в этот день близких мне людей. Как-то моментально промелькнули в памяти эти встречи, которых произошло не так и много, но каждая из них глубоко залегла в душу.

– Я вас всех тоже люблю и целую! – уже не сдерживая эмоций, чуть ли не выкрикнул я в трубку.

– Папа нас тоже поздравляет! – раздался Ниночкин голос, озвучившим для всех мои пожелания.

Конечно, можно продолжать говорить и говорить до бесконечности, но перед глазами стоял хронометр, равномерно отсчитывающий минуты разговора, поэтому я только вкратце рассказал о себе, о суде. Перебив мои стандартные фра-

зы, Ниночка поинтересовалась:

– А здоровье как? Как сердце?

Надо было бы, конечно, сразу брякнуть: «Нормально», – но от такого неожиданного вопроса я, невольно сделав паузу, неуверенно произнес:

– Нормально.

Возможно, кого-то и можно провести таким однозначным ответом, но только не мою жену. От такого ответа она только глубоко вздохнула и тихо произнесла:

– Только не надо мне врать, – и, сглотнув комок в горле, уже серьезно попросила: – Ты береги себя, мой хороший. Знаю я твой характер. Но ты слышал, как мы тебя все любим и ждём домой? Я тебя тоже очень сильно люблю. – Голос её при этих словах прервался, а я каждой клеточкой ощутил, что она старается сдержаться и не расплакаться. – Я только одного хочу: чтобы ты вернулся домой целый и невредимый.

– Всё будет хорошо. – Я поспешно постарался успокоить её. – Ты, главное, не переживай. Ем я по расписанию, сплю хорошо, только вот очень много бумажной работы, над которой надо чуть ли не сутками сидеть в каюте.

– Ладно заливать, – уже рассмеялась Ниночка при таком «откровенном» рассказе о «прелестях» морской жизни. – Если бы я не знала тебя, то поверила бы сразу... – она сделала небольшую паузу и мягко добавила: – Но знай, что здесь, – мне представился её жест, которым она обвела стены дома, – ты всем нам нужен и мы все тебя очень любим.

– Я вас тоже люблю, – уверил я её в своих чувствах. – Поэтому ещё раз поздравляю и крепко обнимаю. Особенно тебя.

– И я тебя, – как эхо, ответила она.

– Пока, до встречи. Будет возможность, я тебе попозже позвоню, – уверил я её и, посмотрев на безжалостный хронометр, равнодушно отсчитывающий секунды до расставания, повесил трубку.

Посидев с минуту в кресле, я прошёл на мостик. Там так же молча у лобового иллюминатора стояли Олег с Евгением, что-то пристально рассматривая на палубе.

Увидев меня, Олег поинтересовался:

– Ну что? Поговорил?

– Да, – безразлично ответил я, собираясь точно так же встать и смотреть на дождь, пустой причал и на еле просматривающиеся из-за низкой облачности смутные очертания городских построек.

Олег сходил в радиорубку, сделал соответствующие отметки о наших разговорах и, вернувшись, иронично посмотрел на нас.

– Что, братцы механики, носы повесили? Новый год приближается, а вы как будто в льялах своих засели и нет у вас никакого желания вылезать оттуда.

– А что тут веселиться? – пожал плечами Евгений. – Наши там все гуляют, а мы тут что сурки по норам расфасовались. Тут не то что веселиться, тут выть захочется.

– Да брось ты, Евгенич, нюни на кулак мотать, – возразил ему Олег. – Что, первый раз, что ли, праздники вдали от дома проводишь?

– Конечно, не первый, – так же печально продолжил Евгений. – За почти тридцать лет много их таких прошло. Но что унывать от этого? – он уже веселее посмотрел на нас. – Пошли и мы стол накроем, посидим, встретим Новый год. Хоть так со своими вместе побудем.

– А что, – тут же поддержал его Олег, – пошли. Я и Руперту уже дал наказ, чтобы он для нас столы накрыл. И в холодильнике у меня «Смирновка» стоит. Так и просится на стол. – Он в предвкушении даже потер ладони.

– А я из дома коньячка прихватил, – в тон Олегу подхватил Евгений. – Знал же, что на Новый год будем где-то болтаться, но не думал, что у причала стоять. Теперь сам бог велел расслабиться.

– Пошли, – поддержал я мужиков в их начинаниях. – Я только в каюту заскочу, возьму икорочки красненькой да наших крабиков дальневосточных.

Настроение у всех сразу поднялось, и мы гурьбой вывалились с мостика, чтобы через пять минут вновь встретиться в кают-компании.

С палубы ниже уже слышалась музыка и кто-то, ужасно фальшивя, во всю глотку распевал «Отель «Калифорния».

Сели за стол и Олег иронично кивнул вниз:

– А филины уже по-своему, манильскому времени встре-

тили Новый год.

– А они его разве празднуют? – удивленно посмотрел Евгений на Олега.

– Они всё празднуют, когда им наливают. Я им пару ящиков пива выкатил да пузырь вискаря дал. Так что они до утра распевать будут.

– Ладно, что нам те филины, – прервал я Олега. – О себе подумаем, о замечательных и симпатичных ребятах, – и, постучав по циферблату часов, напомнил: – Если будем тут трюндеть, то точно пропустим Новый год. Наливай!

– И это правильно! – поддержал меня Олег. – Время нас не ждёт.

Он откупорил запотевшую бутылку и, разлив её содержимое в небольшие, аккуратные стопочки, посмотрел на часы:

– Давайте провожать ваш Владивостокский старый год, а за Новый всегда успеем выпить. У нас часовых поясов много.

От его шутливого тоста настроение улучшилось и мы дружно свели свои стопки, воодушевленно чокнувшись.

Повар на этот раз, наверное, превзошёл сам себя. Я на Кристмас пробовал его блюда, а тут вообще всё оказалось очень вкусное и соответствующее нашей европейской кухне.

Попробовав разносолов, Олег откинулся в кресле:

– Повезло нам с коком. Хоть он и со Шри-Ланки, но готовит отменно. Нашу кухню вообще знает в совершенстве. Филины не жалуются. Даже бирманцы и те довольны. Моло-

дец! Где только научился? Ведь ему всего-то слегка за тридцать...

Я видел этого повара. Смуглый, немного смуглее филиппинцев, он отличался атлетическим телосложением. Широкие плечи, мощные руки. И на лицо он отличался от всех остальных. Если бы не такой тёмный цвет кожи, то он казался похожим на молдаванина или кого-то из южных регионов России.

На столе стояло несколько салатов. Удивительно, но среди них был «Оливье», а на блюде под стальным колпаком я обнаружил даже котлеты!

Когда на часах обозначился Новый год по-владивостокски, мы вновь выпили и пожелали друг другу в новом году всего самого наилучшего.

Тихо играла музыка из видеомэгнитофона. На телевизоре мелькали поющие и танцующие артисты. Это Олег прихватил из дома прошлогодний «Голубой огонек». С палубы матросов неслась какая-то зажигательная мелодия. Ничто не напоминало, что мы находимся где-то у чёрта на куличках, вдали от дома.

Я успокоился и, употребленная с обильной закуской водочка, начала оказывать своё воздействие. Очень захотелось спать.
– Олег, – обратился я к старпому, – пойду-ка я подремлю.

Этот темп жизни вообще выбил меня из колеи. — Я с сожалением покачал головой.

— Конечно, Михалыч, иди, — пожал он плечами, — но не забудь, что следующая встреча Нового года будет по одесскому времени.

— Добро, — кивнул я на его замечание и, поднявшись из-за стола, направился к себе в каюту.

Глава девятая

Новый год, отдых, поход на склад

Меня заставил подпрыгнуть на койке трезвон телефона.

«Какой же у тебя, гада, мерзкий звон. Ты мертвого достанешь из могилы. Надо тебе кислород перекрыть или гланды подрезать», – сама собой пронеслась мысль, пока я снимал трубку, и не преодолев эмоций, чуть ли не выкрикнул:

– Алё!

Взгляд непроизвольно зафиксировал в полумраке спальни стрелки на часах. Они показывали почти четыре часа. За окном стояла крошечная темень – значит, это утро, отметил мозг.

Из трубки раздался грубоватый голос старпома:

– Ты чё, спишь, что ли?

Такой риторический вопрос в четыре утра вновь откинул меня на подушку.

– По-моему, уже нет. – констатировал я своё состояние и с удовольствием потянулся.

Это значит, что на одном дыхании я проспал почти десять часов. Это же надо, как Сивку укатали горки!

Сон моментально прошёл, а я уже осмысленно сказал в трубку:

– А ты что хотел?

– Да вот тут мы с сэкондом сидим и не знаем, что дальше делать с этим вискарем. Новый год уже вроде бы наступил, – стараясь произносить четко фразы, говорил старпом.

– И где это вы так мучаетесь? – с иронией поинтересовался я.

– Да у меня сидим, – пояснил Олег и тут же предложил: – Если хочешь, то подгребай.

– О'кей. – На такую тему, да в Новый год, меня уговаривать долго не надо. – Сейчас буду.

– Ну, тогда ждём тебя, – пробубнил Олег и повесил трубку.

Одеться у меня заняло столько же времени, как и подпоясаться, поэтому через несколько минут я уже стучался в старпомовскую дверь.

– Заходи, открыто, – громко послышалось из-за неё. – Если свой, то заходи. Если Дед Мороз, то неси подарки, – махнул он мне рукой, приглашая войти, когда я открыл дверь каюты.

В каюте находились Олег с Евгением, однако, судя по количеству стаканов на банкетном столике, гостей недавно присутствовало намного больше, но сейчас за ним остались только самые крепкие и стойкие из последних могикан.

Пройдя к столу и усевшись на диванчик, я посмотрел на этих двух «стойких могикан». Глядя на их лица и поведение, было заметно, что они здорово на «кочерге», но сдаваться «врагу» не собираются и сопротивляются из послед-

них сил, чтобы не пасть к его ногам, используя последние «снаряды», которые выстроились на столе и под столом внушительной батареей.

Увидев меня, Олег поднялся и, достав из буфета чистую стопку, поставил её на стол.

– Наливай, – разухабисто махнул он рукой и громко пошутил: – Я требую продолжения банкета! – небрежно разливая вискарь по стопкам.

А что, сегодня уже первое января. Работ на этот день не планировалось, можно и расслабиться. Ведь у нас сегодня выходной день, а когда ещё случится такой же выходной, когда ни о чём не придётся думать? Один Бог только знает. Но я, Олег и Евгений чётко знали, что после третьего числа уже так не погуляешь, а придётся пахать и пахать.

В каюте стояла относительная тишина. Олег, так же, как и я не любил громкую музыку, поэтому магнитофон не включали, хотя с главной палубы отчетливо прослушивался вопль очередного «Карузо», заливающегося в столовой команды, но его сентенции не помешали нам поднять стопки и опрокинуть их за уже наступивший Новый год и продолжить спокойную беседу.

Первого числа команде объявили выходной, поэтому я не прореагировал на звонок вахтенного, а потом и на звонок Евгенича, приглашающего на обед. Представив, что перед обедом опять обязательно придется давиться этим «виска-

рем», я отказался принять его приглашение. И только часов в пять вечера, здорово проголодавшись, зашёл в кают-компанию, достал из холодильника вчерашние яства и поел.

Вот теперь я чувствовал себя отлично. Усталости и сонливости, как не бывало.

Из столовой команды все ещё слышалась музыка и кто-то там усиленно издевался над микрофоном. Из любопытства я спустился туда и увидел воющего боцмана, сбоку от которого на столе стояла початая бутылка вискаря. В углу оставался только ящик «Кока-Колы». Пиво филипки уже уничтожили.

Посмотрев на эту невеселую картину, я вернулся в каюту, достал из холодильника бутылку пива, не спеша опорожнил её и вновь завалился спать. Надо отдыхать. Завтра рабочий день, а уж послезавтра... Но об этом даже думать не хотелось.

Утро нового рабочего года началось, как обычно, со звонка вахтенного. Ничего не напоминало, что начался новый год, а старый остался где-то в прошлом.

Так же прошёл обычный завтрак с расторопным Рупертом и началась разводка в ЦПУ.

Войдя в ЦПУ, я с удивлением заметил, что все присутствующие находятся в абсолютно трезвом состоянии, несмотря на вчерашний праздник и употребление спиртного.

Я уже несколько лет работал под флагом с иностранными

экипажами и никак не мог привыкнуть к этому. На нашем флоте сегодня кто-нибудь обязательно бы находился под шопе, а от него бы за версту разило перегаром. А тут нет. Все выглядели трезвыми и готовыми к труду и обороне капиталистического отечества.

– Доброе утро! – поздоровался я со всеми присутствующими и сел в кресло у главного компьютера.

В ответ послышалось нестройное ответное пожелание доброго утра, а я, взяв в руки лист с замечаниями, внимательно – для видимости – просмотрел его и перевел взгляд на готовую по первому же зову сорваться с места машинную команду.

– Так, парни, – начал я, – список замечаний подходит к концу, – я потряс бумажками перед собой, – и надо приложить последние усилия, чтобы он закончился. Завтра придут к нам наши боссы, поэтому сегодня все работы надо закончить, чтобы завтра к нам не возникло никаких вопросов, – и ещё раз оглядел притихших механиков.

Народ сидел в молчании. Понятно, что я молол прописные истины, но говорить всё равно что-то надо, поэтому я продолжил:

– Задание для электромехаников. – Я посмотрел на Аунга. – Проверить все грелки отопления в носу, закончить наводить порядок в электрокладовой, восстановить освещение в льялах, проверить автоматику котла с третьим механиком и СЛВ с четвёртым. Понятно?

Я осмотрел всех, кого только что назвал.

– Всё понятно, чиф, – подтвердили механики.

– Четвёртому механику идти в носовое отделение пожарного насоса и восстановить там инструкции. – Я встал, достал с полки файл с инструкциями, выбрал необходимую и предал её Дональду. – Снимешь копию, обернешь пленкой и повесишь там на переборке. Понятно?

– Есть, чиф, – подтвердил Дональд, но тут же, молотя под дурачка, спросил: – А скотч где взять?

Я не ожидал такого дурацкого вопроса и у меня непроизвольно вырвалось:

– Укради, – но, увидев округлившиеся глаза четвёртого механика, усмехнулся и уже серьезно посоветовал: – Пойди к третьему помощнику. У него он точно есть.

– Ясно, чиф. – Дональд, как китайский болванчик, закивал в ответ.

– А потом, – продолжал я смотреть на Дональда, – заведешь мотор аварийного пожарного насоса и проверишь давление в пожарной магистрали. Ясно? – вновь спросил я четвёртого механика, уже застывшего в готовности сорваться с места. – Не забудь подкрасить ржавые места на насосе, – остановил я его и напомнил: – Мойщики с него старую краску сбили водой. Ржавчины много проглядывается.

– Есть, чиф! – чуть ли не пролаял, как бравый солдат, получивший распоряжение старшины, Дональд.

– А со вторым механиком и третьим мы сейчас пройдем-

ся по машине и проверим нашу готовность к завтрашнему дню. Всё, – осмотрел я своих верных «нукеров». – За работу, парни. Времени у нас мало.

Но меня остановил электромеханик:

– Чиф, можно я займу у тебя немного твоего драгоценного времени? – вежливо обратился он ко мне.

Вообще вежливость этого бирманца, или, как сейчас принято говорить, мьянманца, меня иной раз поражала. Он иногда выводил свои предложения с такими вывертонами вежливости, что волей-неволей приходилось их выслушивать, а злость и возмущение, которые ты ощущал перед этим в себе, куда-то моментально исчезали. Вот и сейчас Аунг почти-точно смотрел мне в глаза.

– Конечно, Аунг, пожалуйста. – Я даже склонил голову, приготовившись выслушать его.

– У нас есть замечание, – электромеханик вежливо протянул ладонь и с осторожно прикоснулся к списку замечаний, – что надо заменить все бирки на приборах ГРЩ с текстом на английском языке.

– Ну, есть. – Я никак не мог понять, к чему клонит этот супервежливый мьянманец. – У меня есть тут запись, что их должна изготовить компания и заменить бирки, написанные на румынском, на английские.

– Не надо этого делать, уважаемый чиф, – почтительно сложив руки на груди, смотрел на меня Аунг.

– Как не надо? – уже возмущился я от такой длительной

процедуры объяснения и вежливости.

– Посмотри, чиф. – Аунг для ускорения процедуры объяснения подвёл меня к ГРЩ. – Смотри, я их уже все поменял.

Я пригляделся к биркам – и точно! Почти все бирки оказались написанными по-английски. От такой неожиданности я в недоумении уставился на Аунга.

– Что, у тебя были где-то запасные бирки? – непроизвольно вырвалось у меня.

– Нет, уважаемый чиф, – так же вежливо продолжал Аунг, – я их просто перевернул. У них на другой стороне все названия были написаны по-английски. – И продолжал наивно, как ребенок, смотреть на меня.

Воистину, зачем сто раз что-то объяснять, когда достаточно только один раз увидеть всё самому воочию – и тебе тогда всё сразу станет ясно!

– И на остальных бирках то же самое? – поинтересовался я у стоявшего рядом в покорной позе Аунга.

– Да, уважаемый чиф, – подтвердил мою мысль электромеханик.

– Отлично! – обрадовался я и, взяв список замечаний, с большим удовольствием вычеркнул из него ещё один пункт. – Только ты, – обратился я к Аунгу, – постарайся к приезду суперинтенданта перевернуть все оставшиеся бирки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.